

*350-летию со дня рождения
императора Всероссийского Петра I Великого
в знак признания его выдающейся роли
в строительстве Российского государства,
в усилении могущества России,
превращении нашего Отечества
в современное государство
с развитой экономикой и культурой*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Император Всероссийский
Петр I Великий*

(1672—1725)

Петр I Великий

ЧЕСТЬ, СЛАВА,
ИМПЕРИЯ

Труды, артикулы,
переписка, мемуары

Москва
2022

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)46-8
ПЗ0

Составление, подготовка текста, переводы,
примечания и комментарии — *В. Г. Яблонский, А. С. Веселов*

Разработка серии — *И. Осипов*

Петр I Великий.

ПЗ0   Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары /
Петр I Великий. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с. : ил. — (Подарочные
издания. Великие правители).

ISBN 978-5-04-163877-1

Это юбилейное издание, приуроченное к 350-летию со дня рождения императора Всероссийского Петра I Великого, охватывает, может быть, самые судьбоносные четверть века русской истории. В книге, как в панораме, перед современным читателем разворачивается грандиозная политическая и человеческая деятельность царя-реформатора: от детских военных забав до превращения Московского царства в мощную Российскую империю. Указы, распоряжения, деловые и личные письма Петра I в сочетании с материалами о жизни и трудах его сподвижников знакомят читателя с многогранной государственной, политической и военной деятельностью величайшего российского императора. Дополняют том воспоминания современников и очевидцев событий. Сотни старинных цветных и черно-белых иллюстраций позволяют увидеть блистательную Петровскую эпоху такой, какой видели ее люди того далекого времени.

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)46-8

ISBN 978-5-04-163877-1

© Серия, тексты, переводы, примечания,
комментарии, иллюстрации, оформление.
ООО «Издательство «Око», 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ От Издательства

Петровская эпоха стала, может быть, самым судьбоносным временем русской истории. Никогда до самого 1917 года Россия не претерпевала таких колоссальных преобразований, как по воле Петра Алексеевича Романова. Петр Великий не просто превратил Московское царство в Российскую империю. Он сломал старый порядок вещей, перевел державу на новый календарь, велел праздновать Новый год 1 января, ввел 40 новых налогов и государственную монополию на продажу ряда важнейших товаров, с нуля построил флот, победил Швецию и перенес столицу в новый город, который назвал именем своего небесного покровителя...

С любовью или сопротивлением, по доброй воле или по принуждению, из страха или из желания выслужиться, но огромное множество людей самого разного звания исполняло яростную волю Петра Великого. Под его неусыпным руководством они строили флот и отвоевывали Азов, двадцать лет на суше и на море бились со шведами, возводили Петербург, разгромили под Полтавой самую лучшую европейскую армию, сбрасывали свои и чужие бороды и по-русски неумно веселились «на европейский манер» на новомодных ассамблеях.

Что из всего этого вышло? Как ни странно, новая Россия, настолько отличная от прежнего Московского царства, что вернуть «к старине» ее не могли уже никакие усилия. Петр оставил Россию «недореформированной» — в каком-то смысле она остается такой и сейчас. И, может быть, главным в наследии Петра есть это общее стремление завершить, закончить, претворить в жизнь самый глобальный проект за всю историю России.

Литература о Петре необозрима. Одни только выходявшие в 1788—1797 гг. «Деяния Петра Великого» вместе с «Дополнениями» насчитывают 30 томов, его «Письма и бумаги» (1887—2003) — 13 томов и т. д. Научные публикации не поддаются учету, ибо невозможно сосчитать бесконечность.

Так что Петр Великий — самый изученный, самый интересный, но и, как ни парадоксально, самый неизвестный русский государь XVIII века.

Эта книга — своеобразный исторический гид по жизни и свершениям основателя Российской империи. Вы познакомитесь с Петром Первым во всех его проявлениях, пройдете по его жизненному пути, станете свидетелями его поражений и побед, приобретений и потерь, узнаете его как сурового и властного правителя, грандиозного реформатора России и как любящего и ревнивого супруга.

«Лицом к лицу лица не увидать: большое видится на расстоянии».

С расстояния в 300 лет, словно в мощный телескоп, вы увидите, рассмотрите и лучше поймете жизнь и свершения Петра Великого, о котором А. С. Пушкин сказал с благоговейным восхищением: «Он весь, как божия гроза».

СОДЕРЖАНИЕ

И.-Г. Фоккеродт.
Россия при Петре Великом

Воспоминания современника, секретаря прусского посольства в России в 1717—1733 гг., написанные по просьбе Вольтера.

8

ТРУДЫ, ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

Молодые годы:
Начало славных дел (1689—1697)

103

Восшествие на престол. Первые указы. Письма к матери.

От Великого посольства до Великой победы: Россия на пороге Европы (1697—1708)

Царь-плотник: изучение навигацкого и столярного дела. Голландия, Англия. Стрелецкий бунт. Указы о новом календаре. Договор с Турцией.

133

Полтава: значение и уроки триумфа (1708—1709)

219

Баталия при Лесной. Предательство Мазепы. Указы Войску Запорожскому и всему малороссийскому народу. «Обстоятельная реляция» о Полтавской битве.

Переписка Петра с Екатериной за 1707—1713 гг.

Петр — пылкий любовник и заботливый муж во всей своей интимной простоте и непритворности. С годами страсть царя превратилась в настоящую глубокую любовь, полную доверия, нежности и уважения.

303

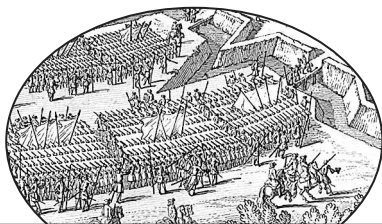
От царя до императора:
Закрепление пройденного
(1709—1725)

316

Дело царевича Алексея. Указы о бритье бород и европейском платье. Петровские ассамблеи. Ништадтский мир. Указ «О наследии престола».

ПРИЛОЖЕНИЯ

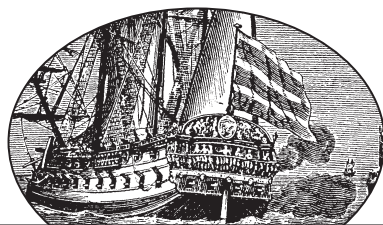

Артикул воинский
с кратким толкованием

Появление в России регулярной армии потребовало систематизации норм и правил ее существования и деятельности.

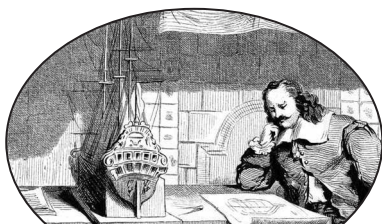
357

Юности честное зерцало

424

«Зерцало», то есть правила поведения для «младых отроков» и девушек, фактически является первым в России учебником этикета.

Якоб фон Штелин.
Подлинные анекдоты Петра Великого,
слышанные от знатных особ
в Москве и Санкт-Петербурге

В России XVIII—XIX вв. анекдотом называлась занимательная история о каком-нибудь известном человеке, и вовсе не с задачей его высмеять.

447

Табель о рангах по состоянию
на 1722 г.

478

Введение в действие Табели о рангах оказало существенное влияние на исторические судьбы дворянского сословия в России.

И.-Г. Фоккеродт.
Россия при ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Иоганн-Готгильф Фоккеродт, секретарь прусского посольства в России в 1717—1733 гг., написал воспоминания по просьбе Вольтера, работавшего над историей царствования Петра. Перевод был сделан членом Московского общества истории и древностей Российских А. Н. Шемякиным. Современная версия перевода подготовлена А. С. Веселовым.

I

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ПРЕЖНИЕ РУССКИЕ БЫЛИ ТАК ДИКИ
И СКОТОВАТЫ, КАК РАССЛАВЛЯЮТ О НИХ?

1. Если только хотят эти названия дать таким людям, которым или совсем, или очень мало известны правила вежливости и благоприличия, установленные взаимно другими образованными народами в Европе, также и народного права и уважения, каким обязаны друг к другу самодержавные власти; если потом эти люди, предубежденные слепой привязанностью и почтением к нравам и обычаям своего Отечества, потому только и чувствуют презрение и отвращение ко всему хорошему, полезному и похвальному у иноземных народов, что все это иностранные выдумки, не обладают никакими другими знаниями и искусствами, да и не желают обладать ими, кроме таких только, которые имеют осязательное и непосредственное влияние и пользу, зато считают пустым и глупым все остальное и завершают свое невежество вполне неразумным суеверием, — то, наверное, подобное название в минувшем столетии не может быть присвоено никому из европейских, да даже не многим и из азиатских народов с такою справедливостью, как русским. При всем том у русских не было недостатка в понятиях о благе и зле их положения. У них были свои особенные правила честности, которые они натверживали юношеству таким же образом, как бывает то и в Европе, и которых соблюдение или нарушение приносило взрослым русским так же точно честь или позор. После китайцев, может быть, нет другого народа под солнцем, у которого простой человек, повстречавшись с равным себе, был бы так вежлив и говорил ему столько любезностей, как у русских, особливо живущих на Украине. Но та была их беда, что подобные правила они должны были взять у старинных своих победителей и владык, татар Золотой

Орды, у коих заимствовали также и все прочие учреждения, как придворные, так правительственные и военные. Точно так же, как этот народ обыкновенно поставляет добро или зло совсем в других вещах, нежели европеец, и его мысли о том точно так же не сходятся с европейскими, как ночь со днем, то из того естественно вышло не другое что, а только усвоение русскими такого образа жизни у татар, какой для иностранцев, приезжавших в Москву, необходимо должен был казаться варварским и зверским; отвращение к ним этих иностранцев немало усиливали пренебрежительные и надменные приемы, с которыми русские часто встречали посланников иноземных государей по неразумной мечте о преимуществах своего царя пред всеми другими.

2. Но уж наверно оскорбили бы этот народ, если бы зашли в этих упреках слишком далеко и вполне усвоили себе описание русских, сделанное в прежнее время одним французом, что «москвит всего более человек Платона, бесперое животное, которому недостает только чистоплотности и здравого смысла, чтобы быть вполне человеком». Если же кто сомневается, были ли разумны русские до царствования Петра I, тот пусть заглянет в их историю и сообразит, что происходило у них в минувшем столетии, как, после распада Русского государства на бесчисленное множество партий из-за честолюбия Годунова и польских происков, оно приведено было на край гибели внутренними и внешними врагами, когда поляки овладели Москвой, а шведы Великим Новгородом, как, говорю я, после таких огромных несчастий своими собственными силами и разумными действиями, без чужеземной помощи, не советуясь ни с каким иностранным вождем или министром, без других военных сведений, кроме своих стародавних, русские очистили свое отечество от двух таких сильных врагов, снова восстановили свою монархию и меньше, чем в 50 лет, не только взяли назад все области, которыми сначала должны были пожертвовать своему спокойствию, до Ингерманландии и клочка Карелии, но еще отняли у поляков, кроме Смоленска, Киев, Чернигов и Северию, даже принудили Оттоманскую Порту, бывшую в то время на самой вершине могущества и величия своего, оставить им казаков со всей Украиной. Все это сделали они под управлением таких государей, которые не отличались ни особенной храбростью, ни умственным превосходством, да к тому же еще были из такого нового рода, что первый царь их, Михаил, уж верно не мог бы доказать своих прав ни в одном немецком учреждении.

Кто, говорю, сообразит все это, тот должен будет сознаться, что простоватые неразумные люди никогда не могли задумать таких великих предприятий, а тем менее их исполнить.

3. А если кто не хочет утруждать себя справкою в истории, так пусть возьмет простого русского горожанина или крестьянина, на которых никогда не простирались заботы Петра I об образовании его подданных, да и поиспытает, далеко ли простираются его умственные и нравственные силы.

При этом исследовании вскоре окажется, что русский вообще во всех делах, где только не стесняет его предрассудок его отечества или вероисповедания, владеет очень здравым природным умом и ясным суждением; что вместе с тем у него необыкновенная способность понимать что бы то ни было, большая сноровка находить пригодные средства для своей цели и пользоваться к своей выгоде выпадающим ему случаем и что большинство между ними одарено до-

Русские крестьяне.
Гравюра. XVII в.

статочным природным красноречием, умением хорошо обделывать свои дела и рассудительно выбирать, что полезно для них, что вредно, да еще все это в гораздо большей степени, чем обыкновенно встречается в таких же простолюдинах Германии или в другой какой стране. Но кто пожелает взяться за такое исследование и из того составить для себя понятие о даровитости русского человека, тому надобно наперед отбросить совсем все свои предубеждения и смотреть на вещи, как они есть в природе, а не брать мерилom своих суждений нравы и обычаи, установившиеся в его отечестве. Потом ему надобно знать и язык русский и иметь дело, по крайней мере обращение, с ними. Потому что можно положить на верное, что русский простого звания во всех своих делах с иноземцами имеет в виду одну только цель — свою выгоду и не дает заходить в свою голову никакой другой мысли, кроме той, как бы дать им выгодное понятие о самом себе. Оттого-то он и является на глаза к ним с большой осмотрительностью, с совершенно простоватым, даже глупым, видом, но под этим притворным простодушием старается залезть к ним в самую душу и мастерски умеет пользоваться самой малейшей слабой стороной, какую выставят ему. А так как вообще не слишком бывают осторожны с таким человеком, у которого предполагают не много ума, то обыкновенно выходит в подобных случаях, что иностранец остается внакладе.

Это с большим вредом чувствовали многие из иноземцев, особливо нанмаившиеся в русскую службу: сверх всяких своих ожиданий, они видели, что их подчиненные, смотревшиеся простачками, так провели их, что сами они не в силах себя выручить, а должны обращаться к ним же с просьбами и позволить

им руководить собою. По той же причине случалось, что многие иноземцы, ездившие в Россию и судившие о русских поверхностно, в таких дурных чертах изображали их рассудок; зато другие, никогда не выдавшие России и изучавшие русских только по их поступкам и переговорам, как например, Пуффендорф в «Жизни Карла-Густава» и другие, сколько они ни жалуется на их ложь и плутовство, однако ж не отказывают в похвале, следующей их рассудку и остроумию.

II

КАКИЕ ПОЛЕЗНЫЕ ГЛАВНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ПРЕДПРИНИМАЛ ПЕТР I ОТНОСИТЕЛЬНО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ?

1. В основе вероисповедания, а именно в церковных догматах, Петр I не сделал ни малейшего изменения во все свое царствование, напротив, еще всегда заявлял особенное усердие к сохранению чистоты вероисповедного учения и старался так называемых раскольников или еретиков (*schismaticos*), отлученных от Церкви в правление его отца, возратить в ее недра обложением чрезвычайной податью, необыкновенной барщинной работой, позорным отличием в одежде и другими подобными кроткими понудительными мерами, даже велел сожечь живыми некоторых их учителей.

2. Правда, что в его время в России стали употреблять в учении о Причастии слово «пресуществление» (*Transubstantion*) вместо слова «претворение» (*Transmutation*), которым прежде пользовалась в этом случае Русская Церковь. В напечатанном по его приказанию Катехизисе тоже несколько смягчено учение о почитании икон, получившем вид простого, холодного приветствия им. Но первое, незаметно для самих себя, ввели русские попы, которые если и знают что-нибудь, то научились в папистских училищах в Польше, а потому и много усвоили католических понятий; им и спустили это, так как Греческая Церковь в основании совершенно согласна с Римскою насчет этой статьи. Смягчение учения об иконах — просто одна затея Новгородского архиепископа, посредством которой он охотно устранил бы совсем эту соблазнительную статью, не оскорбляя, впрочем, значения Второго Никейского собора, который постановил ее. Но прочее духовенство никогда не хотело одобрить того и, по кончине Петра I, безбоязненно отвергло и признало незаконным.

3. Таким образом, ныне учение Русской Церкви вполне согласно во всех членах веры с тем, которое было в общем ходу в России до Петра I, так же и с догматами Греческой Церкви; еще до сей минуты вся Русская Церковь признает книгу Символа веры «Исповедание веры Восточной Церкви», сочиненное в прошлом столетии некоторыми греческими духовными в Могилеве, по согласию с несколькими русскими духовными и потом напечатанное на греческом и латинском языках*.

* Автор хотел сказать об известном творении Киевского митрополита Петра Могилы «Православное Исповедание», рассмотренном предварительно на Соборе в молдавском городе Яссах в 1643 г., а в 1645 г. вновь рассмотренном и одобренном уже всеми четырьмя восточными патриархами и другими иерархами как истинное и правое учение Вселенской Церкви. (Прим. переводчика)

4. Но зато в иерархии и благочинии Русской Церкви Петр I задумал разные существенные перемены и большею частью привел их к счастливому концу. Самую важную исходною точкою всех других было уничтожение патриаршества в Москве и объявление Петром I себя верховным епископом или главою своей Церкви.

5. А так как константинопольские проповедники христианской веры ввели эту веру в Россию, эта страна и подчинена была тамошнему патриаршеству в духовных делах до исхода XVI столетия. Митрополит всей России, который сначала имел свое местопребывание в Киеве, а потом в Москве и которому подчинены были все русские епископы, иногда избирался этими последними, а иногда назначался великими князьями и царями, но всегда должен был получать утверждение от Константинопольского патриарха. К этому же духовному лицу поступали все обжалования (*appellationes*) во всех духовных спорах; к нему же относились и цари не только в делах совести, но и когда какой-нибудь пронырливый и кичливый епископ начинал поднимать голову перед ними или когда чего-нибудь требовали у духовенства, а оно не имело охоты на то. А как цари умели подкреплять свою просьбу значительными подарками, то редко и получали отказ у жадных, терпевших нужду патриархов, особливо после того, как турки овладели Константинополем и отняли у патриарха всякое значение, да еще ввели в обыкновение продавать этот сан тому, кто больше даст за него.

6. Насколько русские государи находили свои расчеты при таком образе действий, настолько же невыгодно было для духовенства уважение к такому главе, который не имел ни воли, ни силы защищать их от государя, да еще при всяком случае и выдавал их ему. Это заставило духовных подумать о средствах, как бы избавиться от этого чужеземного бича и добыть себе верховного вождя в своем отечестве, имеющего общие с ними выгоды и по собственным делам принужденного действовать заодно с ними против государя. Они делали для того разные попытки еще во времена Ивана Васильевича, которому историки дают имя Грозного, хоть и не так основательно, как обыкновенно думают. Но этот был слишком прозорлив, чтобы не распознать таившегося пронырства. Оттого и все их старания были напрасны при его жизни. Зато нашли они благоприятное время, когда взшел на русский престол сын его, Федор Иванович. Он не имел ни способности, ни охоты к правлению. Его лучшее удовольствие было лазить по колокольням да звонить в колокола, а правительственные работы возложил он на своего первого министра, Бориса Годунова. При таком слабом государе духовенству нетрудно было получить все, чего только оно хотело, да и первый министр с удовольствием взялся за случай привязать к себе это сильное сословие, которое могло когда-нибудь пособить ему, а также много и повредить в исполнении его властолюбивых замыслов, уже в то время бывших у него на уме. Так и выписали из Греции двоих отставных восточных патриархов, а таких не один почти во всякое время бродил по Турции и по своему неисправимому характеру оказывался до неприличия расположенным поддерживать всякие смуты; созвали собрание епископов, которому дали название Собора, поставили тут 5-м патриархом русского митрополита и объявили его независимым от Константинопольского, которого согласие, наконец, легко получили за деньги.

7. Теперь Годунов сколько ни давал воли духовенству, но тем не менее употреблял всю осторожность, чтобы не нарушить прав царского венца, который

он думал сам некогда надеть, и умел так уладить дело, что на Соборе постановили: при будущем упразднении патриаршего престола духовенству назначать в патриархи двух (трех) соискателей, но государь волен выбрать из них, кого ему угодно, даже и всех троих отвергнуть, и распорядиться новым избранием. Как только умер 1-й патриарх, Иов, Годунов так устроил, что этот сан получил человек простоватый, по имени Гермоген, не имевший других заслуг, кроме решительной преданности Годунову. Духовенство, в радости, что дело пошло так далеко, не особенно противилось тому, надеясь со временем найти случай к дальнейшему расширению своих преимуществ и к совершенному устранению неосвященных мирских рук от выбора своего верховного первосвященника.

8. Через несколько лет для духовенства, по-видимому, настала благоприятная минута, когда, по утишении смут, поднятых в России Лжедмитриями и поляками, избран был сын епископа Ростовского, Михаил Федорович Романов, в цари, а епископ Филарет в патриархи. Эта духовная особа, при многих других великих качествах обладавшая в то же время неограниченным властолюбием, сумела так воспользоваться отеческою властью над сыном, что во всем царстве правила неограниченно всем и не оставляла ничего для управления молодому царю, кроме одного только имени. Так же, как и сын, Филарет носил титул «великого государя», с тою незначительной разницей, которую по-немецки совсем нельзя и выразить, а по-французски она по нужде может быть выражена словами *Grand Seigneur* — «великий государь» и *Grand Sieur* — «великий господин». У него были свои бояре или государственные министры и все другие придворные служители, какие обыкновенно бывают при царском дворе; он даже отправлял от своего имени посланников к Польской Республике и Константинопольскому патриарху.

У него был свой, особенный от царского церемониал, в котором до самой мелочи было условлено, как царю принимать патриарха при его посещениях. Судебную власть свою распространял он неограниченно и без обжалования на все, что когда бы то ни было признавало подсудным себе христианское духовенство. Даже в Государственном совете его голос был первый и самый важный и обыкновенно устранял все другие, так что при его жизни без его согласия нельзя было решить безделицы ни о войне и мире, ни о других общественных делах. Вообще он присваивал себе всю власть и преимущества, на какие когда-либо заявлял требования самый честолюбивый Папа в иноземной стране.

9. Со всем тем он помнил, что царь — его сын; потому с него и довольно было обеспечить однажды приобретенную власть на время своей жизни; однако ж он тщательно остерегался расторгать ту связь, которою привязал Годунов патриарха к милости царя, или подавать своему преемнику случай к освобождению себя от подчиненности его потомкам. Но наконец царь Михаил от всего сердца наскучил тем игом, под которым находился, и не очень-то горевал, когда закрыл глаза старый патриарх, с досады и огорчения на плохой успех затеянного им предприятия на Смоленск. Как пишет русская летопись, царь выбрал ему в преемники тихого и простоватого игумена по имени Иоасаф, а по кончине его, возложил этот сан на человека с такими же достоинствами, Иосифа: оба они соглашались на все, что считал за благо царь.

10. Но когда последний умер, во время малолетства царя Алексея Михайловича, духовенство нашло хитрого и предприимчивого мужа с высоким и гордым

духом для возведения на патриарший престол*. Этот старался привести величие своего сана опять в то положение, как было во время патриарха Филарета, объявил притязания на все преимущества, какие имел тот, гнал и теснил иностранцев, которых начинал слушаться царь, присвоил себе неограниченную власть во всех духовных и многих гражданских делах и получил уже так много значения и доверия в народе, что царь не осмелился низложить его своею властью, а созвал для этой цели Собор в Москве, и, из боязни, чтобы его духовенство не стало пособлять скорее своему верховному пастырю, чем соблюдать выгоды своего государя, он должен был с большими расходами выписать в Москву каких-то низложенных восточных патриархов. Эти патриархи были совершенно такого же разбора, как и их предшественники, давшие согласие на патриаршество в России: они не хотели остаться непризнательными к тем огромным деньгам, какие царь издержал на них, и довели своею властью это дело до того, что патриарх, по предъявлении Собору обвинительных статей против него, был лишен сана и заключен в монастырь неподалеку от Москвы.

11. Потом царь Алексей возвел на патриарший престол одного простоватого старичка, от которого не мог опасаться никакого беспокойства: он, как и все его преемники, держался этого правила постоянно, при всяком упразднении патриаршего престола. Оттого-то и вышло, что последующие Патриархи хотя и пользовались наружною почестью и уважением, также очень значительными доходами, но в политических делах почти совсем не выдвигались вперед, оставались в страдательном положении и вполне подчинялись воле своих государей.

12. Так, последний патриарх Адриан, умерший в 1702 году, смотрел совершенно спокойно, как Петр I сажал в монастырь сестру Софью, как приказывал казнить жестокими муками многих священников и монахов, сделавшихся участниками в ее происках или по крайней мере очень свободно рассуждавших об его поведении; как брал колокола с церковью для возобновления потерянной при Нарве артиллерии; удостоивал дружеского обхождения и доверия еретиков, по постам явно ел мясо, безбоязненно нарушал и другие церковные уставы; как стриг бороды русским, заставлял их носить французское платье и вводил бесчисленное множество других обычаев, которые были ужасом для русских, особливо для духовенства.

13. Несмотря на то что русские цари, благодаря долгому упражнению, уже изучили искусство так сдерживать патриаршескую власть, что она не могла причинить никакого ущерба государевой, Петр I, во избежание разных случаев, считал гораздо вернее и выгоднее для своих намерений уничтожить совсем этот сан и так направить духовенство, чтобы оно никого не признавало своим верховным епископом, кроме своего государя. Выгоды, которые вышли бы тогда для него, были так явны, что ему нечего было колебаться долго. И так это решено скоро. Затруднение состояло лишь в том, как начать дело. Духовные приступали к нему всеми силами, все просили занять патриарший престол и делали ему страшное описание несчастья, могущего произойти в стране от мешкотности в этом деле. Петр, хоть и замечал, что опасность не так еще велика и что духовенство придает излишнюю важность этому делу, однако ж

* Речь идет, конечно, о патриархе Никоне.

Даниил Вухтерс. Патриарх Никон с братией Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. 1660–1665 гг.

Шестой московский патриарх Никон (с 25 июля 1652 г. по 12 декабря 1666 г.) носил следующий официальный титул: Божию милостию великий господин и го-

сударь, архиепископ царствующего града Москвы и всея Великия и Малыя и Белья России и всея Северныя страны и помория и многих государств Патриарх.

не знал, как отвязаться, и жадно искал человека, который вывел бы его из затруднения и принял на себя управление духовными делами.

14. Незадолго перед тем один русский из простого звания, Талицкий, изучивший в Москве книгопечатание, тайно завел в деревне печатню и обнаружил книжечку, в которой доказывал, что Петр — Антихрист, потому что стриженем бород позорит образ Божий, приказывает резать и распластывать людей по их смерти, попирает церковные уставы и другие, какие только есть, вводит нелепости. Талицкого скоро открыли и, в награду за его труд, сжили с бела света. А творение его взялся опровергнуть один монах, львовский уроженец по имени Стефан Яворский, незадолго перед тем пришедший в Россию поискать себе счастья. Труд его, правда, вышел так плох, что он стал бы посмешищем для всей Европы. Одно из самых главных доказательств, почему Петр не Антихрист, выводилось из того, что Антихристово число 666 никакой каббалой нельзя было составить из имени Петра.

Но в стране слепых и кривой — царь: это произведение так понравилось Петру I, что он велел распространить его посредством печати, а Яворского назначил Рязанским епископом. А так как Яворский сверх того имел свободный дар слова, в состоянии был написать проповедь на иезуитский лад, при том умел и подделываться, заявляя притворно слепое повиновение всем приказаниям Петра, то этот и подумал, что нашел в нем не только способного человека, но и такое орудие, которое без противоречия позволит себя употребить для исполнения его намерений, и в такой уверенности, объявил его экзархом, или наместником патриаршества.

15. Однако ж Петр скоро заметил, как обманулся он в этом человеке. Да и действительно, ученость его простиралась не дальше того, как обыкновенно доходит она в папистских монастырях в Польше. Но зато в иезуитских училищах он так крепко вбил себе в голову папистские правила о преимуществах духовенства и его независимости, что всего меньше мог помочь Петру в исполнении его намерений, которые совершенно противоположны были вышесказанным правилам. На самом деле он не прямо, но сильно перечил его намерениям, особенно касательно намерения убавить лишнего богатства у церквей и возвратить духовных к умеренности, требуемой их званием, так что, пока он был жив, это дело не состоялось; однако ж поступал при том так осторожно, что нельзя было сделать ему никакого упрека в этом случае. Несмотря что этот образ его действий для Петра I не остался тайной, царь все-таки давал ему это почувствовать тем только, что холоднее прежнего обходился с ним: эту необычайную мягкость нельзя приписать ничему другому, кроме нежелания Петра обнаруживать преждевременно свои намерения немилостью к Яворскому, в отраду и утешение старинным православным русским сердцам: он оставил его на месте до тех пор, пока не пришел в совершенную зрелость новый порядок церковного управления, над которым он между тем трудился с Прокоповичем.

16. Этот человек, умерший в прошлом году в Петербурге архиепископом Новгородским, проживал в монашеском звании в Киевском Печерском монастыре, когда Петр посетил эту обитель после Полтавской битвы.

В молодости он обучался не только в польских училищах, но и в Риме, да и совсем другим образом, нежели как обыкновенно проходят свое учение его земляки: при его честном и прямодушном нраве, а также остром и живом уме,

те благочестивые обманы (*piae fraudes*), которые он заметил в Италии, внушили ему такой ужас к папству, что он не мог о нем говорить без душевного волнения, чему, может быть, пособило также и чтение протестантских книг, которые он ставил очень высоко и не задумывался отдавать им предпочтение пред большинством его церковных Отцов*.

Кроме того, он отличался такими добродетелями, которые обыкновенно тоже не составляют общей принадлежности духовенства: чрезвычайною скромностью, так что его надобно было силой тащить во все почетные занимаемые им мало-помалу должности, совершенным бескорыстием и пылким желанием содействовать благу отечества, даже и на счет выгод духовенства. Петр тем еще больше привязался к этому монаху, что встретил у него совершенно те же мнения о порядке церковного управления, какие сам он старался распространить в своем царстве, и нашел в нем волю и готовность честно помогать ему в том. Но так как шведская война была еще в полном разгаре и было бы не вовремя начинать такое щекотливое дело, то Петр I не хотел поднимать шума, оставил Прокоповича в Киеве и довольствовался тем, что вел с ним постоянную переписку об этом деле. Когда же он окончил поход в Поморье, сделал путешествие во Францию, уладил отречение своего царевича и благодаря тому несколько поуспокоился, тогда призвал и Прокоповича в Петербург под предлогом устройства училищ в монастыре святого Александра. Он назначил его игуменом этой обители** и условился с ним о новом образе управления, который хотелось ему ввести для своего духовенства.

17. Для приготовления к этому умов народа издано в свет сочиненное Прокоповичем небольшое рассуждение под названием «Первосвященник»***, в котором с такою же большою ученостью, как и основательностью, доказывалось, что первые христианские императоры постоянно удерживали за собою первосвященнический сан, носимый их языческими предшественниками, пока, наконец, Римские папы нашли способ выманить его у них вместе с соединенными с ним преимуществами и присвоить себе; при этом в то же время внушалось, что в христианском государстве главный надзор за духовными делами не может принадлежать никому другому, кроме государя.

18. Вскоре потом Петр I объявил, что на будущее время сан и титул патриарха, как слишком заносчивое и никакому подданному не приличное достоинство в России, совершенно отменяется, а духовные дела вперед будут под ведением и наблюдением Правительствующего Синода, состоящего из одного президента, двоих вице-президентов и нескольких советников и заседателей под верховным надзором государя.

Как скоро составилась этот Синод, ему был прислан на рассмотрение Духовный Регламент**** и по именному повелению одобрен и отдан в печать

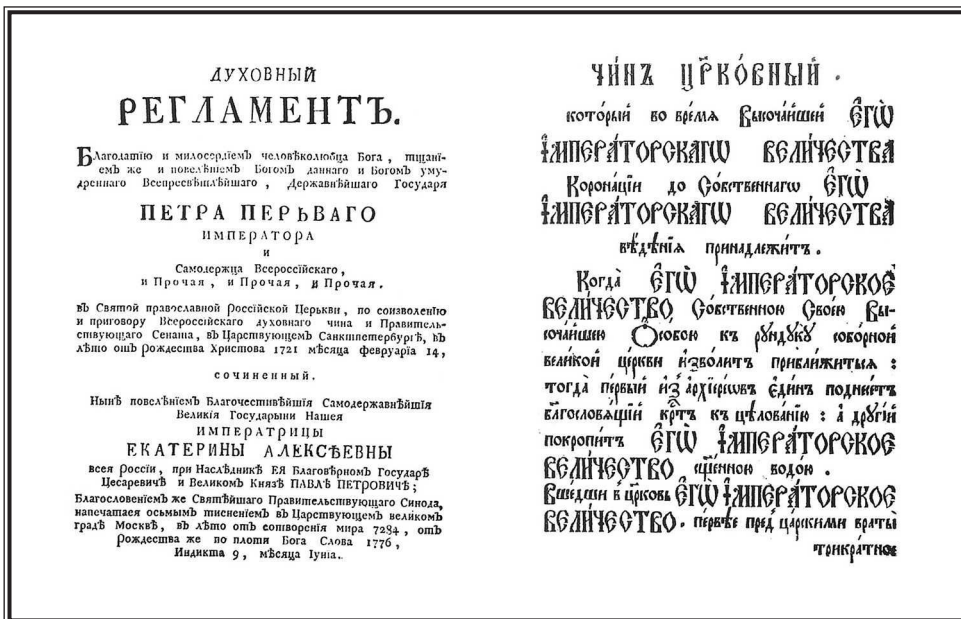

* Следует учесть, что это говорит протестант. (Прим. переводчика)

** Игуменом он сделан еще в 1711 г. Киево-Братского монастыря. (Прим. переводчика)

*** «Первосвященник, или Розыск исторический, коих ради вин, в каковом разуме были и нарицались императоры римские Понтификами, а в Законе Христианством Государи могут ли нарецишь Епископы и Архиереи, и в каком разуме?», 1721 г. (Прим. переводчика)

**** Его Петр I приказал сочинить только в 1722 г. как прибавление к Духовному Регламенту под названием: «Прибавление о духовном причте и монахах». (Прим. переводчика)

Духовный регламент Петра Первого.

1774 г.

[в 1719 г.], несмотря на Яворского (который объявлен был президентом, но в первом же году и умер), делавшего много возражений против него.

19. В этом Регламенте вполне утверждено учение о зависимости духовенства от правительства страны, уничтожены все церковные льготы и преимущества, сделаны разные полезные постановления для монастырской жизни, запрещено много суевренных вероисповедных обрядов, разобраны некоторые сомнения относительно проклятия и церковного повиновения, тайна частной исповеди (*in specie sigillum confessionis*) ограничена так, что духовник не может молчать о заговорах против государя, мятежах и других государственных преступлениях, если такие будут открыты ему на исповеди, а должен доносить о них под страхом наказания за государственную измену.

Это сочинение, конечно, мастерское произведение в своем роде, заслуживает прочтения с начала до конца и заключает в себе все перемены, сделанные Петром I относительно церковного благочиния. Оно было напечатано в Германии, почему и не нужно будет в подробности передавать его содержание. Для образца я приведу только постановление о монастырях [1721 г.].

20. Сначала между многими другими правилами, клонящимися к сохранению доброго порядка и приличия в церквах, в особенности предлагается монастырям, чтобы они отправляли Богослужение с должным благочестием и благоприличием, для чего в каждом монастыре должно находиться по крайней мере 30 монахов, а где нет такого числа их и, стало быть, эта конечная цель не может быть достигнута, монастырь должно обратить в приходскую церковь и училище, монахов, живших в нем до того времени, развести по другим монастырям, которым недостает требуемого числа их. Но затем всем игуменам и настоятелям монастырей внушается, под страхом тяжкого наказания, не принимать в монастырское звание без особенного указа ни одного дворянина, ни кого-либо, служащего в государственной службе, ни приказного писца, ни

безграмотного, ни несовершеннолетнего, никакого мещанина, ни крестьянина. Так как в этот список входят все русские подданные какого бы то ни было звания и, следовательно, никому не дозволяется идти в монастырь, кроме тех вдовых священников, которые, по уставу Греческой Церкви, не могут больше продолжать свою должность, монастыри же, в которых нет по крайней мере 30 монахов, должны быть закрыты, то, в случае точного соблюдения такого постановления, число монастырей в России в продолжение, 30 лет естественно уменьшилось бы до того, что во всей этой стране не осталось бы более 10 таких, которые считалось бы полезным сохранить из особенных видов. Но, по кончине Петра I, исполнению этого предначертания не дали дальнейшего хода и не заботились о нем, как и о многих других введенных им полезных учреждениях в духовных делах.

21. Вслед за введением этого нового образа духовного управления и связанных с ним распоряжений Петр I ни о чем не прилагал столько стараний, как о том, чтобы вывести свое духовенство из прежнего невежества. В начале его царствования духовенство было гораздо грубее, чем оно было в Европе в самые темные столетия папской власти. Проповедовать было у него решительно не в обычае. Кто мог читать и писать да умел точно соблюдать церковные обряды, тот имел все нужные требования не только для священника, но даже и для архиерея. Да если еще при том он составил себе известность строгой жизнью, а от природы награжден был окладистой бородой, то слыл за отличное духовное лицо.

22. Между украинским духовенством кое-где встречались еще некоторые, имевшие наружность учености. Потому что в то время, когда поляки завладели этой областью, жители ее завели в разных монастырях латинские училища, а в Киеве и Чернигове — Академии*, где учили богословию и философии, впрочем, только на польский лад. Но как мелко плавали в науках эти господа, можно заключить из следующего суждения, которым несколько лет тому назад в моем присутствии возразил какому-то русскому князю игумен одного из знатнейших монастырей в Украине относительно духовности курения табаку. По случаю проступков некоторых монахов упомянутого монастыря князь утверждал, что лучше бы разрешили монахам курить табак: это служило бы для них развлечением и не туманило головы, нежели разрешать пиво, водку и другие крепкие напитки, которые доводят их до разных пороков и соблазнов. Игумен отвечал, что это было бы очень хорошее дело, если бы только курение табаку положительно не запрещалось словом Божиим, так как в Библии сказано, что входящее в уста не сквернит человека, а выходящее устами оскверняет его. Ведь все крепкие напитки входят в рот, а табачный дым выходит.

23. Со всем тем, эти украинские духовные были одни только, которыми мог пользоваться Петр I для распространения большой учености в своем духовенстве. А если б захотел он употребить для того приверженцев иноземной веры, то дал бы только еще новую пищу подозрению, какое и без того уже имели на него ревнители старинного Православия, и возбудил бы, может быть, опасные волнения в народе, но все же не достиг бы тем своей последней

* В Чернигове никогда не было никакой Академии, но в 1700 г. была открыта Славяно-латинская школа для духовенства свт. Иоанном (Максимовичем). (Прим. переводчика).

цели. И так, при назначении наместником патриаршества вышеупомянутого Стефана Яворского, он поручил ему между прочим заводить училища, где бы могли учиться необходимым наукам люди, посвящавшие себя духовному званию; а чтобы их еще больше поощрить к тому, учредил капитал, из которого каждому учащемуся должно было выдавать от 3 до 4 копеек ежедневно (около 1 гроша, или 16 пфеннигов), соразмерно его успехам.

24. Яворский и учредил немедленно Богословскую и Философскую Академии в Спасском монастыре в Москве, вверил управление игумену того монастыря, Лопатинскому*, человеку хотя и не без способностей, но тайному паписту, и выписал из Украины некоторых монахов, которые должны были обучать в Академии в качестве профессоров. Но как эти люди сами не знали ничего больше, кроме того, чего насмотрелись и понабрались у иезуитов в Польше, то изо всего этого дела и не вышло ничего лучшего, кроме иезуитского училища. Философский и богословский курсы, читанные профессорами, слово в слово были списаны у римских докторов и напичканы ссылками на Вескеца, Суарца, Эскобара, Санхеца, Овиедо и других таких же темных схоластиков, из которых ученики их так мало могли получить зрелой учености, что Петр I в большой толпе обучавшихся в этой Академии не нашел ни одного, кого бы можно было возвести в духовный сан.

25. Лишив вскоре за тем своей доверенности в духовных делах Яворского и обратив ее на Прокоповича, Петр I поручил ему между прочим и улучшение учебной части в России. Этот рассудительный человек взялся потом за дело с совсем другого конца и полагая, что, прежде чем думать об учреждении высших училищ, сначала надобно достать хороших учителей. В этих видах он отправил в немецкие академии нескольких русских, положивших уже научные основания в его домашнем училище и посвящавших себя духовному званию, для упражняния в тамошнем способе учения и в науках, чтобы после того в высших [училищах], которые будут учреждены в России, они могли сообщить своим слушателям что-нибудь поважнее польской схоластической болтовни. Меж тем для подготовки им способных учеников к их возвращению он завел в своем доме, также и кое-где в монастырях Новгородской епархии, низшие училища, где множество молодых людей обучалось языкам, началам философии и другим полезным наукам, и не усомнился пользоваться для того протестантскими студентами в качестве учителей. Но смерть Петра I подорвала его доброе предприятие: старое русское полупапистское духовенство, которому впоследствии, а особливо во время Петра II, давали большую потачку, мешало ему всеми силами. Молодые люди, посланные им в Германию, либо совсем не вернулись назад, либо не принесли тех способностей, которых он ожидал от них, так что он никогда не мог достичь своей главной цели. Со всем тем его училища имели ту пользу, что доставили учрежденной потом Академии наук разных способных лиц, но и эти лица, подвинувшись несколько дальше в учении, не захотели посвящать себя духовному званию, а искали себе счастья в гражданских должностях.

26. Впрочем, вопрос не решенный, поступал ли еще Петр I как хороший государственный человек, желая образовать свое духовенство и извлечь его

* С 1706 г. по 1722 г.

из прежней дикости и невежества, и, в случае успеха в том, не затруднил ли бы он тем еще для себя и своих потомков исполнение их будущих намерений, особливо если эти намерения шли наперекор выгодам духовенства? По крайней мере рассудительные люди того мнения, что он едва ли бы довел так далеко свои преобразования, если бы должен был бороться с более способным духовенством, которое умело бы снискать любовь и уважение к себе народа и как следует пользоваться им для своих выгод.

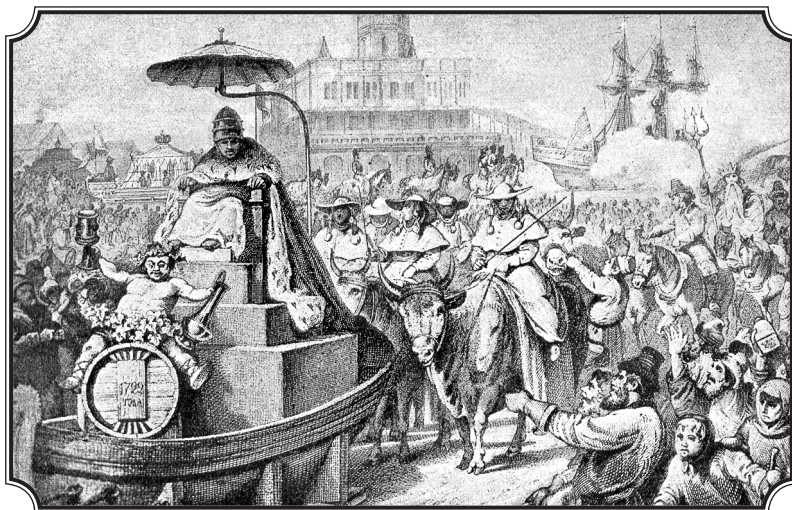
27. В числе перемен, предпринятых Петром I в церковном благочинии, надобно считать еще ту, что он через новый Синод объявил позволительными и законными прежде решительно запрещенные браки исповедующих иноземную веру с русачками, впрочем, на следующих условиях: 1) чтобы иностранец объявил себя наперед подданным Русского государства и обязался служить ему вечно; 2) чтобы дети обоего пола были крещены и воспитаны в русской вере; 3) чтобы иностранец не старался ни силою, ни убеждениями совращать свою жену с ее веры и для того позволял бы во всякое время свободный вход к себе в дом священнику своего прихода, обязанному наблюдать за тем. Эти условия уж верно не такого свойства, чтобы могли очень поощрить иностранца к брачному союзу с русскою.

28. В заключение не бесполезно будет при этом случае упомянуть об одном наполовину духовном обряде, постоянно соблюдавшемся Петром I, пока он жив был и когда только находился в России. Там есть такой старинный обычай, что священники меж Рождеством Христовым и праздником 3-х святых царей* ходят по всем домам своих приходов и поют некоторые церковные песни о рождении Спасителя; за это подносят им стакан пива или водки да еще сколько-нибудь копеек. Так как все это время считается церковным праздником и, стало быть, назначено для развлечения, то и у мирян вошло в обыкновение подражать этому обычаю, когда они ходят в гости друг к другу во весь праздник, и при входе в дом приятелей тоже петь эти церковные песни. Петр I в свои молодые годы не легко пропускал случаи разгуляться, а потому пользовался и этим, чтобы лихо отпировать праздник у своих любимцев. Сопровождавших его сперва было очень немного: они состояли только из его комнатных служителей да некоторых любимцев. Но вскоре потом он чрезвычайно умножил это общество и приводил с собою все таких, у которых было что-нибудь смешное или странное в их росте, лице, языке, нравах или в наклонностях. А для сохранения духовного оттенка в этом обряде он назначил при этом своего старого учителя в пьяные патриархи под титулом князя-папы**, а 12 других русских, отличавшихся обжорством и пьянством до свинства, в кардиналы, остальному же обществу он надавал других духовных титулов, а сам разыгрывал тут дьякона и отправлял эту должность на их собраниях с таким усердием, как будто это было совсем не в шутку. Князя-папу носили в открытых санях 12 плешивых голов (таких людей целая особенная орда в сибирских степях, хоть и немногочисленная, и на теле у них нет ни одного волоса)***; в руке у него была палка с шариком, которым он и барабанил по головам своих носильщиков. За ним верхом на волах ехали его

* Богоявленьем. (Прим. переводчика)

** Это был Зотов. (Прим. переводчика)

*** Нелепость. (Прим. переводчика)

**Маскарадное шествие по Москве Всешутейшего и всепьянейшего собора
в феврале 1722 года, по случаю празднования Ништадтского мира.**

*Гравюра по рисунку А. И. Шарлеманя из альбома «Северное сияние».
1862–1865 гг.*

кардиналы, а позади их его остальное духовенство в санях, запряженных свиньями, собаками, медведями и другими животными. В этом странном шествии разъезжал Петр I везде, не только по придворным вельможам, но и по купцам и по всем таким, которые известны были при дворе как люди зажиточные. Куда привалит это шествие, там сначала поется славенье, за которое хозяин должен отплачивать подарком по крайней мере в 100 рублей. Вслед за тем гости, которых обыкновенно бывало до 300, садятся за стол, и если хозяин не слишком чего подает пить, или припасет очень скупой подарок, или сердиты на него, то не только напоят его до полусмерти, но и нададут еще ему полновесных тузов в придачу. Бесчиние и свинство, происходившие на этих попойках, были неопи-сваемые; но ничего не было омерзительнее того, когда следовало выбирать нового папу. Петр приказывал нанять для того особенный дом, которому дал название Ватикана. Точно таким же образом, как устроен был в Риме конклав, в этом доме сделаны были разные кельи, разделенные рогожами: в них и запирались пьяные кардиналы и каждый день должны были сходиться для подачи голосов, причем вместо билетов употреблялись яйца белых и черных козлов. Во все это время кардиналам не давали есть ничего другого, кроме детородных частей быков, коров, козлов, коз и овец, даже собак и кошек обоего пола, в изобилии приправленном перцем французском кушанье, а пиво и водка служили им для питья; трезвыми не оставляли их ни на одну минуту, и все это до тех пор, пока было угодно Петру. Сам он приходил и уходил от них и не только забавлялся скотскими поступками этих людей, но и сам еще пил молодецки с ними: такое разгулье его, незадолго пред кончиною, при выборе последнего пьяного папы немало, по суждению врачей, способствовало его смерти.

29. А что за намерения были у Петра I при таких отвратительных затеях, об этом различно судили и русские, и иностранцы. Те, которые воображали себе, что во всех поступках этого монарха кроется почти нечеловеческое благоразумие, думали находить тут иероглифическое изображение прежнего и нынешнего

состояния русского народа и употребленных для него Петром стараний. Другие полагали, что он хотел этим поднять на смех римско-католическую иерархию да косвенным образом тоже и свое духовенство. Однако ж всего проще считать это вроде потехи, да и такой еще, которая достаточно согласовалась с его умом и душевным расположением: у него не было ни малейшего вкуса в удовольствиях, так же как и в других вещах, служащих людям для украшения и развлечения: он вовсе не понимал разборчивости в том. Все его развлечения имели в себе что-то грубое и неприятное. Самые непристойные виды забав нравились ему больше всего, и ничто не приводило его в такое восхищение, как возможность насильно принудить людей сделать или вытерпеть что-нибудь противное их природе. У кого было природное отвращение к вину, маслу, сыру, устрицам и подобным кушаньям, тому при всяком случае набивали рот этими вещами, а кто был раздражителен и всего более корчил рожи при этом, тот наиболее и потешал Петра I; оттого многие совсем не раздражительные от природы притворялись такими, чтобы тем заискать в нем.

30. При всем том, нет ничего возможного, что тут имел он и косвенные виды на иерархию Римской Церкви. Потому, что учение папистов о независимости их духовенства от светского правительства внушало ему немало ненависти и недоверия к папству и довело его до того, что он всеми силами старался покровительствовать стороне протестантов, а, напротив, то же учение было причиной чрезвычайного расположения русского духовенства, кроме немногих между ним, к Римской Церкви и сильной ненависти его к протестантам; оно охотно приложило бы свои руки к притеснению и истреблению протестантов, если бы только они не были у них связаны.

III

КАКУЮ ПЕРЕМЕНУ СДЕЛАЛ ПЕТР I В ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ РУССКОГО ЦАРСТВА?

1. Весь русский народ по справедливости можно разделить на два разряда: рабов и свободных людей. К первому принадлежат не только рабы и крестьяне, но и граждане в городах, которые должны платить поголовную подать наравне с крестьянами, и некоторые прикреплены к земле (*glebae adscripti*), так как ни один сын не может покинуть дом своего отца, пока другой брат не войдет в оный и не получит гражданского права. В качестве свободных людей разумеются все дворяне, приказнослужители, священники и солдатские дети, которые считаются прирожденными рекрутами и обыкновенно поступают в число их.

2. При всем том, свобода ни на одного русского не простирается так далеко, чтоб он не подчинялся неограниченной самодержавной власти, которая с незапамятных времен была в руках русских государей над всеми сословиями их царства. Несмотря на то что разнообразными раздачами своих земель дворянству они давали ему достаточный случай брать верх над ними и предписывать им какие-нибудь законы для правления, однако ж нет ни малейшего следа такой попытки в древней русской истории. Потому что все льготы, какими прежде владело русское дворянство, хоть та, например, чтобы никого не принуждать служить под начальством офицера из низшего боярского рода и проч., надобно считать не другим чем, как только пожалованиями, которых сила зависела единственно от воли государя и должна была прекратиться в ту же минуту, как скоро признавал он это за благо.

3. Благоговение всего русского народа к потомкам первого его великого князя, Рюрика, было так велико, что, пока они владели русским престолом, ни один русский не позволял себе когда-нибудь мысли, что его отечество может управляться иначе, а не совершенно не ограниченным государем. Это дошло до того, что, когда, по убиении Лжедмитрия, выбран был в цари князь Шуйский, хоть и из старинного рода, но уже с давнего времени отстраненного от царствующего и считавшегося подданным, хотел было по собственной воле присягнуть при своем венчании в том, что не казнить ему ни одного боярина без согласия его собратий, все боярское сословие умоляло его с земными поклонами не выпускать столь легко из рук такого драгоценного алмаза и украшения русского скипетра, каким было самодержавие.

4. Когда же вышеупомянутый царь Шуйский должен был смириться перед польской властью и, по успокоении смут, сословия Русского царства хотели приступить к новому избранию, многие из самых знатных лиц между ними напали на мысль, что им нет надобности уступать больше власти, нежели сколько захотят они сами, будущему их государю, который не в состоянии похвалиться никаким преимуществом над ними, и что они вправе предписать ему законы, по которым он должен царствовать, да и их собраты, сидевшие в то время еще в плену у поляков и, благодаря обхождению с этим народом, понабравшиеся, без сомнения, республиканских правил, утверждали в этом бояр своими письмами, в особенности тогдашний Ростовский епископ и после бывший патриарх Филарет, который еще не мог предполагать, что выбор падет на его сына. Они составили между собою род сената, который назвали Собором: не только бояре, но и все другие, находившиеся в высшей государственной службе, имели там место и голос и единодушно решились не выбирать себе в цари никого, кроме того, который под присягой обещается предоставить полный ход правосудию по старинным земским законам, не судить никого государскою властью, не вводить новых законов без согласия Собора, а тем менее отягощать подданных новыми налогами или решать что бы то ни было в делах войны и мира. А чтобы тем крепче связать нового государя этими условиями, они положили еще между собой не выбирать в цари такого, у которого сильное родство и сильные приверженцы, так как с помощью их в состоянии он будет нарушить предписанные ему законы и присвоить опять себе самодержавную власть.

5. В таких видах они выбрали себе в цари молодого 15-летнего дворянина Михаила Романова, у которого не было никакого искреннего друга и никаких других заслуг, кроме той, что отец его с большим усердием и твердостью противился польской стороне, за что поляки и посадили его в заключение и увели из края. С старинным царским родом он имел только ту связь, что царь Иван Васильевич II женат был на его бабушке, Анастасии Романовне, дочери мелкого дворянина, род которого был так еще нов, что не имел и родового имени, называясь по отцу, как обыкновенно водится у людей простого звания в России.

6. Царь Михаил не колеблясь принял и подписал вышепомянутые условия, хотя мать его и казалась несколько недовольной, будто бы оттого, что охотно увидела бы сына уволенным от ниспосланной ему чести из-за соединенной с нею опасности. Несколько времени правление продолжалось на предложенных основаниях. Но только что отец его, Филарет, возвращен был из польского плена и сделан патриархом, этот умел превосходно воспользоваться уважением, какое доставлял ему сан его суеверного народа, неудовольствием, замечаемым

у низшего дворянства на властолюбивых бояр, также и возникшею между этими последними завистью и несогласием, так что он один завладел опекою над сыном и удержал ее в своих руках на все время своей жизни. В этом качестве он самовластно распоряжался всеми делами: сбыв с рук, под разными предлогами, республиканские умы и ничего больше не оставляя собору, кроме чести одобрять его меры и распоряжения. В помощь этому самовластию он утвердил под именем стрельцов (*Schützen*) особенных телохранителей, дал им большие льготы и права, однако ж не вверял начальства над ними никому из знатного рода, а определял выслуженцев, отличившихся в польскую войну, оттого-то и вышло, что дворянство, которое в то время еще гораздо больше нынешнего было напыщено своим происхождением, донельзя презирало этот отряд и считало для себя позорным и унижительным служить в нем; за то и упомянутый отряд ненавидел все знатные роды и всегда был в готовности исполнять царские приказания против них.

7. Это войско дало возможность царю Михаилу продолжать правление по кончине отца его, патриарха, с такою же властью и значением, а сын его, царь Алексей, зашел в этом так далеко с такими пособниками, что не имел уже больше надобности щадить дворянские роды, а отважился уменьшать их льготы, лишь только найдет это выгодным для блага царства. По смерти Алексея старший его сын, сколько ни был слабый и болезненный государь, решился, однако, сжечь все дворянские родословные книги, хранившиеся в особенном приказе в Москве, и совершенно уничтожить разницу между низшим и высшим дворянством.

8. Когда же он умер, бояре возвели на престол Петра I, тогда еще десятилетнего государя, к оскорблению прав его старшего брата, Ивана; они надеялись найти случай, во время несовершеннолетия, к возвращению своих утраченных

К. В. Лебедев.

Царевна Софья получает у Троицы письмо Василия Голицына.

1890 г.

льгот и установлению образа правления на старом основании. Однако ж сестра его, София, царевна с высоким умом и великими качествами, умела так расположить к себе стрельцов, что они подняли мятеж к выгоде ее родного брата Ивана, перебили бояр, устранивших этого царевича, и не прежде успокоились, пока он не был объявлен царем вместе с Петром, а она соправительницей; при том было положено, что имя ее всегда ставилось возле обоих царей в указах и постановлениях, а также и на монетах. После она и правила шесть лет кряду так же разумно, как и счастливо, и в своих поступках с дворянством в точности следовала тем правилам отца и брата, так что совсем отняла у него все присвоенные им преимущества и постановила его наравне с другими свободными русскими подданными.

9. В этой крайности дворяне не много могли обещать себе защиты у царя Ивана, государя, так же слабого рассудком, как и зрением, да и позволявшего во всем управлять собою сестре, потому и нашли себя вынужденными на попытку, нельзя ли будет уговорить младшего брата, Петра, чтобы он горячо вступился за них. С некоторого времени этот царевич и без того уже сносил с большим огорчением ту власть, которую царевна София присвоила над ним и братом, и стал непримиримым врагом ее по случаю разных происков, ложно или справедливо приписываемых ей против его лица, и под посторонними предложениями, удалился из царского дворца в загородный дом, который выстроил себе в Преображенском, слободе, лежавшей под самой Москвой.

Обеими руками он ухватился за случай вырваться из-под надзора сестры: наобещал дворянству, чего только оно хотело, и, в видах более тесной связи с ним, женился на девушке из самого знатного рода по имени Евдокия Лопухина. После того двор его становился многочисленнее со дня на день. Царевна знала вполне опасность, которая произойдет для нее от того, и решилась предупредить ее отважным ударом. С этой целью она втайне нарядила в Преображенское сильный стрелецкий отряд с приказанием взять под стражу и привести к ней Петра, чтобы тотчас же посадить в монастырь и постричь в монахи. Но этот умысел был так вовремя открыт Петру женовским уроженцем капитаном Лефортом, узнавшим о том случайно, что он имел возможность выиграть столько времени, чтобы убежать и в сопровождении упомянутого офицера укрыться в Троицком монастыре, месте, уважаемом по его святости всем русским народом.

10. Как скоро он приехал туда и ссора у него с сестрою стала гласной и непоправимой, к нему явились не только все иностранные офицеры, которых русские наняли довольно значительное число в службу для тогдашней войны с турками, но и великое множество русских дворян, так что Петр вскоре нашел себя в силах сопротивляться и предписывать законы сестре. Сначала она заявила, что никогда и никакого зла не было у ней на уме против брата: ее намерение клонилось только к тому, чтобы вырвать его из рук иностранцев, наводивших его на разные распутства и внушавших ему ненависть к русскому народу и его вере, обычаям и нравам. Но это извинение не нашло ни малейшего доверия в народном большинстве, особливо у озлобленного дворянства; зато известное властолюбие царевны было причиной, что всем обвинениям против нее Петра без труда поверили: она возбудила во всех сословиях такое отвращение к себе, что даже значительная часть стрельцов объявила себя за молодого царя.

11. При таких обстоятельствах, когда царевна увидала себя покинутой всем миром, она могла только решиться на одно совершенное подчинение себя

воле Петра: он лишил ее всего прежнего значения, запер в большой женский монастырь в Москве и велел строго содержать ее там, а брата Ивана, отчасти лаской, отчасти угрозами, довел до того, что он совсем отрекся от правления, которое и вверил одному Петру.

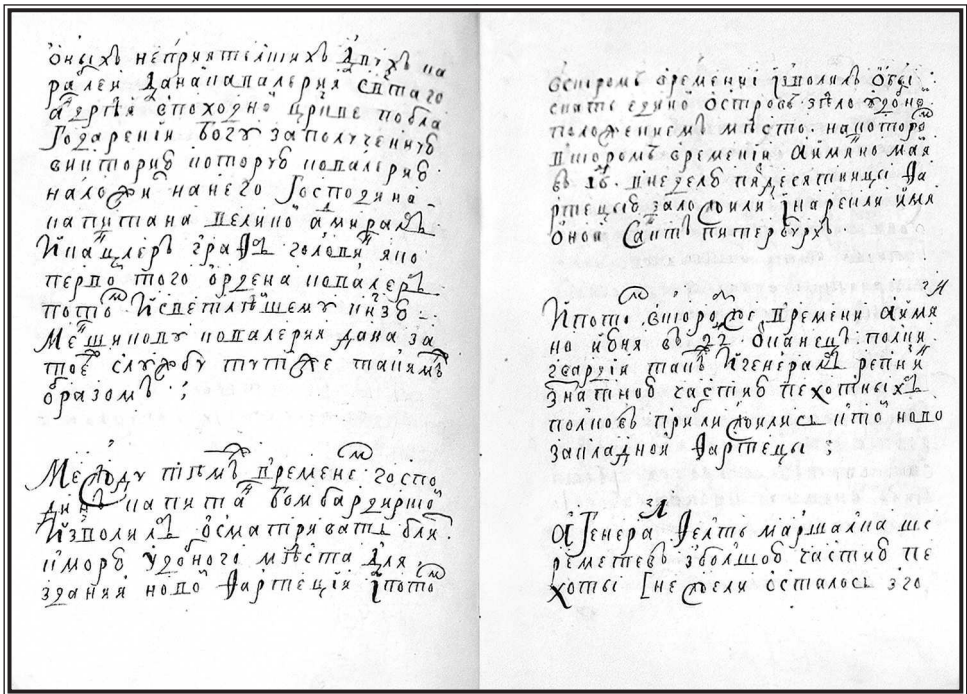
12. Счастливым исход этого переворота стрельцы, как и дворянство, приписали своей привязанности к молодому царю и обоюдно льстили получить награду себе за то от него и предпочтительное значение пред другими. Но Петр, которому обхождение с иностранцами уже набило голову многими замыслами преобразований, хорошо видел, что едва ли ему осуществить эти замыслы, пока будет в стране такое сильное войско, способное отважиться на сопротивление его воле.

Поэтому он уже решился и стрельцов, и дворянство, оба эти скопища обессилить, изводить одно посредством другого и поставить в такое положение, чтобы они зависели только от его милости и воли.

13. Так как в искусстве притворяться он мало имел себе подобных, то и чрезвычайно ласкал обе стороны и как той, так и другой подавал самые лестные и приятные надежды. Стрельцам он тотчас же подтвердил их устройство и прежние преимущества; но воспользовался предлогом, что, по случаю продолжающейся войны с турками, они необходимы для обороны отечества на его пределах, чтобы удалить большую часть их из Москвы и развести по пограничным крепостям.

14. Всего труднее, казалось, было уничтожить мечту дворянства о преимуществах его рождения и тот предрассудок, что позорно находиться под начальством человека низшего происхождения. Он выдумал для того следующий способ: составил отряд в 50 человек из молодых дворян, которые воспитывались, по старинному обычаю, вместе с ним и назвал их потешными (*Spielgesellen*). Он велел их одеть и упражнять в военном деле по европейскому образцу и при том объявил, что сам он не имеет никакого преимущества пред другими, а, подобно своим товарищам с ружья, даже с барабана, и будет выслуживаться постепенно: для такой цели он в этом случае слагал самодержавную власть в руки князя Ромодановского, который должен был повышать его в чины наравне с другими солдатами по его заслугам и без малейшего потворства. Так, пока жив был вышеупомянутый князь, именно до 1718 года, Петр разыгрывал такую комедию, что получил от него повышение в генералы и адмиралы, которые должности ему угодно было возложить на себя. Это объявление имело то действие, что дворяне из самых знатных фамилий, хотя и не покидая предрассудка о достоинстве своего происхождения, сохранив его даже до настоящего дня, однако ж оставались с ним на службе и стыдились заявлять такие притязания, которые могли показать, будто бы они думают быть лучше их государя. Оттого-то впоследствии никто больше и не отваживался говорить о преимуществах своего рождения, если дело шло о начальственных должностях; когда же кто-нибудь до такой степени забывался, старик Ромодановский, человек правдивый, но неумолимый, которого царь Петр сделал верховным уголовным судьей, умел находить средства для наказания такого ослушания под другими предложениями.

15. После того как эти затруднения уладились и дети знатнейших дворян привыкли служить простыми солдатами в полках, размножившихся из так называемых потешных, и в этом качестве давать себя наказывать, Петр I не считал уже больше за нужное ласкать свое дворянство: доведя его до того, что оно

Запись в походном журнале Петра I
о закладке 16 мая 1703 г. крепости Санкт-Петербург

не могло пошевелиться, он отнял у всех дворян, от высшего до низшего, и самую малейшую тень их старых преимуществ и отменил старинный образец*, по которому в законах и указах упоминалось о согласии бояр и который его предки все же постоянно считали полезным сохранять, хоть и очень тоже урезали иные уже дворянские преимущества. За тем он не скрывал дальше своих мыслей о преобразованиях, обходился с иностранцами с особенной приязнью, без различия их звания и нрава, но зато не упускал и никакого случая к язвительной насмешке над своим народом, его нравами и обычаями; если же старые бояре хотели отклонить его от того, он поступал с ними самым позорным и обидным образом, да и всегда его любимцы поднимали их на смех, как дураков.

16. Такие поступки должны были необходимо казаться чрезвычайно щекотливыми для всех сословий русского народа, особливо для духовенства, свое презрение к которому он очень ясно давал понимать при всяком случае, и не хотел больше водить лошадь патриарха в Вербное воскресенье. Со всем тем, уважение, питаемое народом России к царскому роду, было так велико, что, пока Петр проживал в своем краю, не оказалось ни одного заговора, довольно сильного, чтобы положить конец его предприятиям. Когда же любопытство увлекло его в Голландию и Англию и он пробыл там очень долго, огонь, тлевший под пеплом в Москве, разгорелся совершенным пламенем.

* «Царь указал, и бояре приговорили» — слова, употреблявшиеся прежде в приговорах и указах царских. (Прим. переводчика)

17. Царевна София, несмотря на строгое наблюдение за ней, находившая, однако ж, средства поддерживать тайную переписку с своими прежними соучастниками, велела внушить стрельцам, что Петр I, по своем возвращении, совсем отменит их древнюю веру и обычаи и сделает их решительно немцами. Духовные всеми силами пособляли таким внушениям и криком об опасности Церкви произвели чрезвычайное волнение между суеверным народом, которое старались еще увеличить мнимыми явлениями, видениями и чудесами; да и многие дворяне, будучи еще не в состоянии переварить потерю своих льгот, делали под руку этим мятежникам всякое возможное пособие.

Наконец, сверх всяких ожиданий, стрельцы выступили из всех крепостных гарнизонов, пошли прямо к Москве с намерением, как они объявляли, очистить свое отечество от мерзости иноземцев, между прочим поклялись до тех пор не класть оружия, пока царевна София не будет возведена опять на престол, пока образ правления, а также старинные нравы и обычаи их не придут в прежнее положение, вновь заведенные полки распустят и выгонят из края всех иностранцев.

18. Петр I, бывший тогда в Вене, получив известие об этом мятеже, отправился как можно скорее назад в Москву через Польшу, однако ж прибыл бы очень поздно и, может быть, приведен бы был в очень затруднительное положение, если бы генерал Гордон не нагнал мятежников и не потушил мятежа, прежде нежели он вспыхнул. Этот храбрый человек, которому Петр при отъезде вверил начальство над своими новыми полками, с невероятной быстротой стянул их, двинулся с ними потом на путь мятежников, прежде чем они соединились, разбил и рассеял их малые отряды и напоследок так окружил их главное войско, что оно должно было сдаться на милость и немилость.

19. Итак, Петр I нашел все успокоенным при своем возвращении, однако ж не счел благоразумным миловать мятежников, а, напротив, воспользовался этим случаем для решительного уничтожения всего войска стрельцов, без различия правых и виноватых. Как велико должно быть число казненных стрельцов при совершении этого приговора, можно заключить из того, что не только изо всех бойниц трех стен, окружающих город Москву, выставлены были бревна и на каждом из них висело по 3 и по 4 стрельца, но и вся торговая площадь в Москве устлана была сплошь плахами, на которых ложились рядом осужденные на смерть мятежники и протягивали шею для удара царю, который не только собственной высокой особой потешал себя этой работой, но побуждал еще к тому и своих бояр.

20. С этой казни, или, лучше, побоища, до самой своей смерти Петр I пользовался самой полной самодержавной властью в духовных и светских делах, без малейшего противоречия, и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самых князей царского рода, упрягивал детей их в самые низкие должности, даже делал слугами в каютах (*Kajüten-jungen*), всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания, не давал значения никакой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой; одним словом, располагал их жизнью и имуществом без малейшего уважения, по собственной воле и произволу.

Начальные люди, или офицеры, Московских стрелецких полков в 1674 г.

21. Никогда, однако ж, не оказывалось никакого тайного общества или заговора против его особы или самодержавия, несмотря на то что он и потом проживал по целым годам в иноземных краях и употреблял большую часть своего войска за границей, хотя несчастное начало шведской войны и смуты, от времени до времени поднимаемые казанскими татарами, донскими казаками и жителями Астрахани, а особливо недоразумения у него с его наследником-царевичем, подавали беспокойным умам довольно случаев к волнениям. У вышеупомянутого наследника никогда не было ни намерения, ни духа на составление замысла против правления или жизни отца. Он никогда и ничего не искал больше того, как бы ему привести себя в безопасность от ненависти и гонения отца, как бы при том пользоваться тою свободой, чтобы каждый день бражничать с своими попами да с прочими любимцами, обыкновенно негодными и недостойными людьми, и вовсе не утруждать себя никакими делами.

22. В 1714 году Петр I обнародовал узаконение, чтобы вперед дворянские имения больше не раздроблялись, а по смерти отца доставались сыну, которого тот назначит наследником, а по недостатку такого завещания — одному старшему сыну: это похоже почти на то, как в подобных случаях обыкновенно ведется во Франции и в Англии. Никто не мог отгадать, что бы такое могло заставить Петра сделать это постановление, которое со временем необходимо должно было доставить дворянству великое богатство и силу, стало быть, прямо противно было принятым до сих пор правилам (*Systeme*) двора. Но последствие показало, что он еще в то время замышлял лишить наследства своего царевича-наследника и хотел приготовить к тому подданных вышеупомянутым узаконением. В царствование Петра II этот закон совсем отменен и наследование частных имений опять было оставлено на прежнем основании.

23. Но как Петру I довольно было известно по опыту, какая сильная опора для монархического правления обученное войско, то он особенно и со всю ревностью старался улучшать свои военные силы. Вместе с тем также войны, занимавшие всю его жизнь, и по поводу этих войн заключаемые им договоры с иноземными державами заставляли его обращать внимание также и на иностранные дела, хоть тем не менее он полагался тут большею частью на своих министров и любимцев, обыкновенно умевших его повернуть к той стороне, которая всего больше платила им. Самым его любимым и приятным занятием было кораблестроение и другие дела, относящиеся к мореходству. Оно развлекало его каждый день, и ему должны были уступить и самые важные государственные дела. Даже если Петр задумывал заложить новый корабль, то не было нисколько новостью, что на несколько недель он запирался в саду и проводил время в чертежах и вычислениях соразмерности мачт и парусов, а между тем никого не пускал к себе из министров. О внутренних улучшениях в государстве, судопроизводстве, хозяйстве, доходах и торговле он мало или вовсе не заботился в первые 30 лет своего царствования и бывал доволен, если только его Адмиралтейство и войско достаточным образом снабжались деньгами, дровами, рекрутами, матросами, съестным и одеждой, а это случалось тем легче, что его войска много лет сряду находили случай содержать себя на чужой счет, без отягощения государства.

24. Правда, в начале шведской войны*, когда по этому случаю часто приходилось ему удаляться из страны, он учредил Сенат в Москве, от которого должны были выходить указы во все коллегии, а эти последние посылать туда свои донесения. Но назначенные туда сенаторы не имели ни способности, ни деятельности, каких требовало такое обширное управление, да еще большую часть между ними составляли совершенно себялюбивые люди, у которых за деньги можно было получать все, что хочешь, как бы это ни было вредно для общественной пользы. Кроме того, любимцы Петра I брали многие вещи на глазах у Сената, а особливо князь Меншиков, которому этот государь много лет кряду дозволял такое самовластие, что он мог делать в краю все, что захочет, да при том еще до того щекотлив был насчет исполнения своих приказов, что, если только одна из его сестер вступалась в какое-нибудь дело, весь Сенат не осмеливался отказать в ее желании.

* Вовсе не в начале, а в самой середине этой войны учрежден Сенат, именно: 22 февраля 1711 г. (Прим. переводчика)

25. Но после того как доверие к Меншикову стало несколько падать, некто Нестеров отважился в 1714 году представить Петру I в подробной записке все беспорядки, происходившие в его царстве от лихоимства его сенаторов и любимцев: она заставила Петра подвергнуть строжайшему следствию ее содержание посредством комиссии, составленной из одних гвардейских офицеров. Они не только признали справедливыми показанные хищничества, но при том открыли еще столько новых мошеннических дел, что Петр I думал поступить еще очень милостиво, велевши двух сенаторов погладить по языкам раскаленным железом, в наказание за нарушение присяги, и сослать их в Сибирь, петербургского вице-губернатора наказать всенародно кнутом, одного из господ Адмиралтейства, так же как и начальника над зданиями (*Intendanten über die Gebäude*), тоже кнутом, а у князя Меншикова и великого адмирала Апраксина попопорожить карманы.

26. Эти открытия произвели на Петра I двойное действие: одно, что навели его на вкус к розыскам, который этот царь и сохранял постоянно впоследствии, потому что этот вкус согласовался с его природным расположением к суровости; другое, что Петр I напал на мысль установить во внутреннем управлении царства, подобно военному делу, такой же порядок, какой был заведен в других европейских землях. Признавая шведов своими учителями в военном деле, он думал, что так же точно и их учреждения, по благоустройству и государственным доходам, можно с таким же хорошим успехом ввести в своем царстве. И до того допустил он овладеть собой такому предубеждению, что, не советуясь ни с кем, в 1716 году тайно послал он одного человека в Швецию, надавав ему множество денег, чтобы только достать указы и правила тамошних коллегий. Они так понравились ему, что без дальнейшего исследования, годятся ли еще подобные учреждения, да и насколько годятся в России, он быстро решился ввести их у себя и для этой цели велел набрать себе на службу у немцев порядочную толпу людей, которые должны служить в этих коллегиях вице-президентами, советниками и секретарями. В начале 1719 года все эти учреждения открыты были в Петербурге. Но скоро оказалось, что ими поторопились, что только больше путаницы можно ожидать от них в делопроизводстве, а не порядка и точности. Приказы в России, откуда дела должны были поступать в петербургские коллегии, существовали еще на старом основании; хоть и предписывали им, как подавать свои донесения и счета, но у старых русских подьячих не хватало умения справиться с ними, а это было причиной явных беспорядков. Русские советники в коллегиях если и понимали дела своего отечества, не в состоянии были, однако ж, тотчас же получить ясное понятие о новых порядках, а немцы редко могли вразумить их в том, отчасти потому, что не знали русского языка, отчасти же потому, что и шведские учреждения были известны не многим из них.

27. Это заставило Петра I в 1722 году подвергнуть вторичному изменению его новые коллегии, распустить большую часть иностранцев, а самим коллегиям, с удержанием их немецкого названия, дать такое устройство, которое близко подходило бы к старинному русскому, даже почти не отличалось от него ничем другим, кроме множества членов (впрочем, оно больше мешало, чем пособляло скорейшему делопроизводству, так как ни один член ничего не работает на дому, а только в заседании велит читать себе дела и потом подает свой голос о них), да тем еще, что в приказах, заведовавших доходами и расходами, их обыкновенные книги ведутся по-купечески.

28. Вместе с этими переменами в общем управлении государственными делами Петр I думал еще потом принять в областях такие меры, чтобы на будущее время предупредить грубое лихоимство и притеснения областных губернаторов и градоначальников.

29. В самом деле, это зло зашло в России так далеко, что скорое средство казалось необходимым. Старинные цари мало или вовсе не заботились о том, что делалось по областям. Если кто в посольстве или по другому какому поручению держал себя хорошо, в награду ему давалось управление областью (воеводство): там хоть и не соединялось с этим местом вовсе никакого жалования, однако ж он в короткое время так разживался, что считали его очень плохим хозяином, если он не привозил назад с собой по крайней мере полбочки золота. На такой образ действий, по-видимому, уполномочивал и сам государь. Когда он поручал кому-нибудь управление областью, то обыкновенно употреблял при этом следующий принятый образ выражения (*Formel*): «Я пожаловал тебя за твои службы воеводством (таким-то): ступай туда, живи там и кормись досыта!» Даже не новость была и то, что, когда кто получал такое воеводство, которое ему не нравилось, он, с царского согласия, продавал его другому.

30. В прежнее время, когда крестьянский двор в России платил ежегодно очень немного на общественные нужды, правитель области мог набивать свой карман, не давая это особенно чувствовать подвластным себе. Когда же, в начале и в продолжение шведской войны, налоги увеличились вдвое против прежнего, а правитель все же хотел вытянуть свои прежние выгодишки с подвластных ему, это должно было необходимо сделаться тягостным для крестьянина и вскоре привести его не в состоянии справлять общественные повинности.

31. Открытия, какие Петр I сделал вышесказанным путем о тайных кражах в его царских доходах, развязали ему глаза и на это злоупотребление. Чтобы помочь тому, он уменьшил число больших губерний, или воеводств, как называют их русские, сократив их до 13, именно: Санкт-Петербургская, Московская, Рижская, Ревельская, Смоленская, Киевская, Белгородская, Воронежская, Азовская, Нижегородская, Казанская, Астраханская и Сибирская. К ним присоединил он остальные области, имевшие прежде своих особенных губернаторов, вместо них назначил ландратов, а где была внутренняя стража — комендантов, которые должны были наблюдать там как за гражданскими, так и военными делами. Потом наряду с ними он поставил фискалов, обязанных не только принимать жалобы подчиненных на их начальников, но и строго смотреть вообще за поведением последних и доносить в Петербург главному фискалу обо всем, что откроют против его указов. А чтобы у правителей не было больше предлога к извинению своего лихоимства, он назначил каждому некоторое, впрочем, очень посредственное жалование, потом обнародовал строгие указы против всяких подкупов и между прочим постановил, что, если кто до решения, или после, какого-нибудь дела, правого или неправого, возьмет или даст за него взятку, тот будет наказан виселицей. Он с охотой слушал доносчиков, показывавших что-нибудь на губернаторов, и приказывал подвергать строжайшему следствию их обвинения через гвардейских офицеров, так что в последние годы его царствования не было в государстве почти ни одного губернатора, который бы не подвергся такому розыску или следствию. Двоих из них: сибирского губернатора князя Гагарина и бахмутского коменданта князя Масальского (*Masalskoi*), которые

оба были великокняжеского рода, велел он всенародно повесить, первого еще живого, последнего по его смерти. Колесовал живого главного фискала Нестерова, который, по проискам его врагов поддался искушению, взяв подарок в 2000 рублей, предложенный ему за содействие одному, само по себе правому, делу; приказал отвести на эшафот барона Шафирову и положить ему голову на плаху, несмотря на его великие заслуги и за очень неважное преступление, в котором никто из товарищей барона не признавал невинным себя, и хотя под секирой простил его, однако ж взял в казну все имущество его и содержал его в постоянном заключении.

32. Впрочем, все это не могло ни обуздать жадности русских, ни помешать продолжать по-прежнему тайное воровство в казенных доходах и притеснение подданных, особенно когда еще походило на то, как будто Петр тогда только наказывал подобные преступления, когда хотел придраться к преступнику по скрытым причинам. Потому что большие преступники, не раз уличенные в самом крупном грабительстве, как например, князь Меншиков, великий адмирал Апраксин и все принадлежавшие к ним, всегда находили способы укрощать его неудовольствие значительными пожертвованиями и получать его прощение.

33. Но в последнем году своего царствования казалось, что он совсем вышел из терпения и решился наказывать по строгости законов всех и каждого, несмотря на лицо, кого только поймают в казенных кражах. Для того он с особенным старанием занимался розыскными делами, сам прочитывал до конца все бумаги и отвел главному фискалу Мякинину, хотя и честному, но очень строгому человеку, особенную комнатку у себя во дворце, недалеко от своей спальни, чтобы поживее сноситься с ним. Когда упомянутый фискал спросил его, отсекал ли ему только сучья, или наложить топор и на корень, он отвечал, чтобы искоренял все дотла, так что если б Петр I прожил еще несколько месяцев дольше, то, по-видимому, пришлось бы услышать о многих и великих казнях.

IV

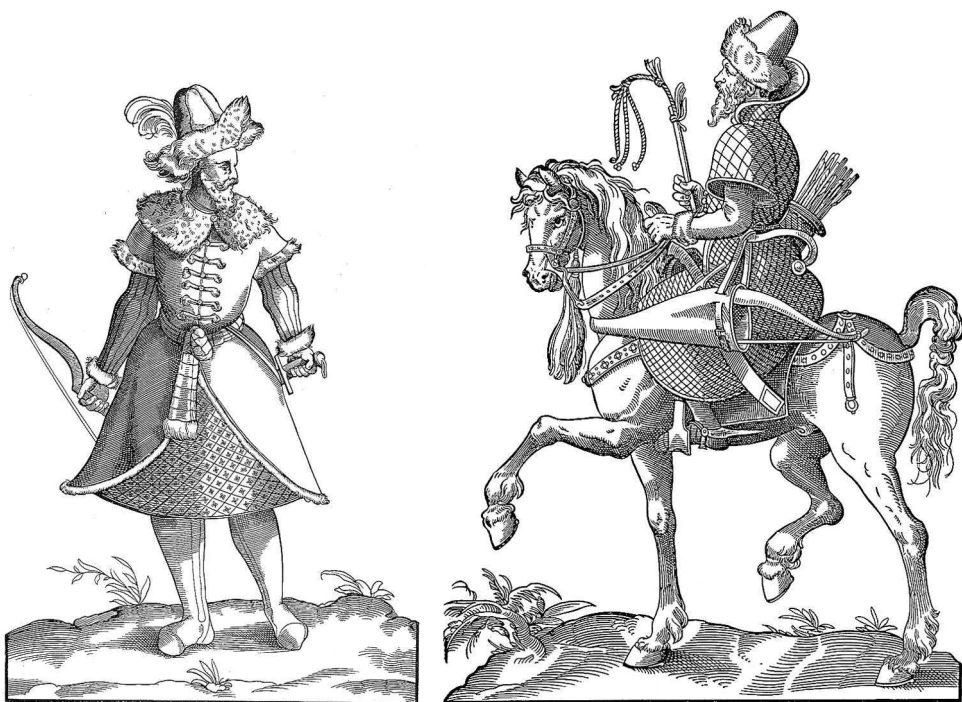
КАКИЕ ПОЛЕЗНЫЕ ПЕРЕМENE ПРЕДПРИНЯЛ ПЕТР I В СВОИХ ВОЕННЫХ СИЛАХ?

1. Точно так же, как русские впервые получили правила порядка и некоторую образованность от татар Золотой Орды* и заимствовали у них все свои старинные гражданские и воинские учреждения, точно так же и русское военное устройство во многих частях совершенно сходствует с тем, которое до сих пор еще сохраняют у себя турки, тоже татарский народ.

2. Стрельцы (*Schützen*) были ядром русской пехоты, в мирное время никакой другой и не знали в краю. Об их учреждении и гибели мы подробно рассказали уже в предыдущей главе. Они носили ружья и сабли, одежда была неоднобразна: каждый одевался по своему желанию и возможности. Они разделялись на несколько полков, каждый под начальством особенного полковника, а все вместе могли составлять от 20 до 30 тысяч; часть того оставалась постоянно в Москве, прочие стояли в разных местах по пограничным крепостям. Первые жили все вместе в особенной слободе (*Freiheit*), почти как янычары, с которыми у них

* Совершеннейшая выдумка и чепуха. (Прим. переводчика)

Ратники московского поместного войска.

Гравюра для книги «Записки о Московии» (1549 г.) дипломата Священной Римской империи барона Сигизмунда фон Герберштейна

было и то общее, что не сражались рядами, а делали нападения некоторого рода колонной. Жалованья ежегодно получали не больше 4 рублей на человека; при том пользовались большими торговыми преимуществами, заставлявшими многих зажиточных граждан записываться в это войско, которые не несли никакой службы, а если случался поход, то за поминки легко могли получить от своих офицеров, чтобы эти посылали других вместо них.

3. А когда доходило до войны, отводился округ каждому полковнику (которых русские всегда содержали порядочное число, отчасти иностранцев, отчасти земляков, не имевших, однако ж, никаких постоянных полков и получавших очень небольшое содержание в мирное время): в этом округе он должен был набрать и вывести в поле свой полк. Всякая деревня должна была поставить, по его расчислению, ему известное число солдат, а эти так же были не одинаково одеты и вооружены, как и приучены к военному порядку. Всякий брал с собою оружие, какое у него было, немногие снабжены были огнестрельным. Большая часть носили бердыши (род секиры), у некоторых были копья, у других деревянные дубинки. Подобное войско, разумеется, не могло сделать многого в сражениях, редко и употреблялось в них и служило только для занятия стана или обоза, хотя русские вообще очень остерегались вступать с неприятелем в правильный бой, стараясь только разъединить его и получить над ним некоторые выгоды посредством засады. Как скоро кончался поход, каждый возвращался опять в свою деревню, а на случай продолжения войны на другой год полк нужно было набирать совершенно сызнова. Коротко сказать, эти полки составлялись почти таким же образом, как и те, что турецкие паши (*Passen*)

приводили к войску из своих пашалыков, кроме только лучшего вооружения и большего мужества последних.

4. Русская конница состояла преимущественно из так называемых детей боярских (*Boyarenkindern*). Это были дворяне, жившие рассеянно по всем областям и владевшие наследственно некоторыми ленными поместьями (вотчинами), откуда и должны были подниматься при наступлении войны с известным числом рабов по вотчинной раскладке, являться на главный смотр, содержать себя во время похода на собственный счет точно так же, как и тимариоты в турецком военном устройстве. Их обыкновенное оружие были лук и стрелы, копьё и сабля, однако ж ружья и пистолеты носили многие, имевшие возможность купить их. Как ни мало такая конница была в силах сделать что-нибудь против обученной, но все же могла еще сколько ни есть сладить со своими тогдашними неприятелями, поляками и татарами, которые также немного лучше были вооружены и приучены к военному порядку, хотя со всем тем в поле с поляками она большею частью уступала им.

5. Вместе с этою конницею цари держали еще несколько тысяч татар, которые, по завоевании Казанского царства, покорились русскому скипетру с сохранением, однако ж, свободы совести; они слыли за верных и храбрых людей и в войнах русских с поляками оказали хорошие и полезные услуги.

6. Когда понадобится такого народа еще больше, соседние калмыки предоставляли царям столько войска, сколько им хотелось, да и за очень скудное жалованье, потому что на человека с лошадыю они могли давать ежегодно не больше одного рубля да один тулуп в год. Но после того как украинские казаки отложились от Оттоманской Порты* и отдались под русское покровительство, к услугам царей была вся казацкая сила, более 100 тысяч лошадей: следовательно, они могли обходиться и без помощи калмыков.

7. Правда, что у русских были и пушкари, и многочисленная артиллерия со времен Ивана Васильевича. Но пушки были плохие и неправильного калибра, а прислуга при них еще хуже. Все их осадное искусство состояло в том, что они окапывались, выводя перед собою земляной вал, что делали до тех пор, пока не только совсем не наполнят землей рва, да еще и не станут вровень со стенами. Если нельзя было взять таким способом крепости, то не знали уже никакого другого средства, кроме обложения ее до тех пор, пока она не сдастся по недостатку в съестных припасах.

8. Хотя еще царь Алексей намеревался привести в лучшее положение свои военные силы и в продолжение войны с Польшей учредил уже несколько пехотных полков под начальством иностранных офицеров, и для обучения своего народа ратному делу велел перевести по-русски большую книгу о военном искусстве, вышедшую сперва в Германии, и напечатать ее в Москве, но стрельцы, которых еще надо было поберечь в то время, косо посматривали на это новое войско. Да и боярам, пользовавшимся доверием двора, было невыгодно, вследствие этого нового учреждения, терять совсем своих крестьян, которых прежде посылали они в поход только на год; сверх того они побаивались, чтобы от того самого

* Вернее, от Польши. (Прим. переводчика)

не получили ближайшего доступа к царю иностранцы, которых необходимо надобно было употребить тут. Духовенство находилось точно в таком же опасении и не хотело совсем терпеть при дворе поганных еретиков. Все эти три различных сословия так многообразно тормозили вышесказанные намерения царя и под рукою ставили ему столько препятствий, что он наконец нашел себя вынужденным бросить его совсем.

9. Смятения и перевороты, происходившие в первые годы царствования Петра I, бросили этого государя в руки иностранных офицеров и подали ему случай впоследствии к полному отрешению от предрассудков, сдерживавших его отца и мешавших ему в исполнении вышесказанного намерения. Разведя сначала стрельцов по пограничным крепостям и потом совсем истребив их с помощью рассказанного способа, приучив дворянство к службе под начальством иностранцев, он не нашел затруднительным до того умножить число своих потешных, что из них вышло два гвардейских полка, и учредить по образцу их еще несколько других полков: все они одеты и вооружены были так же, как и европейские войска, такую же имели выправку и, в случае надобности, могли делать все воинские приемы и маршировать рядами.

10. Но тут и все улучшения русской военной силы до того времени. Петру I все еще доставало лучшего — способных и сведущих офицеров для войска. Его собственный народ не мог ему доставить таких людей. Большая часть иностранцев, которых он нашел в своем крае, родились в России от иностранных родителей, никогда не бывших за пределами этой страны, тем менее еще не видавшие неприятеля, и потому они немного лучше природных русских смыслили в военной службе. Те, которых привлекали потом в Россию слухи о перемене в русском войске и которые как явились, так все и забраны целиком в службу без дальнейшего разбора, тоже были немного лучше и так же мало знали ремесло, потому что Россия считалась тогда еще совсем варварскою страной и на службу туда не отваживался никто, умевший достать себе хлеб в другом месте. Если же между последними и повстречался человек достойный, то не понимал языка и мог тем менее делать успехи, что русские иноземцы, снискавшие себе расположение Петра I самыми низкими и постыдными средствами, старались таким же образом и сохранить его, всячески удалять от царя заслуженных людей и теснить их.

11. Пока у Петра I не было других неприятелей, кроме татар (потому что турки в первой войне никогда не ставили против него корпуса своих войск, а отпускали на русских одних татар), он не мог замечать такого недостатка, подумал, что у него такое же хорошее войско, как и у европейского государя, и воображал себя, по заключении мира с турками, в достаточных силах, чтобы помериться тоже и с шведами. Хотя главный его любимец, обанкротившийся купчик Лефорт, которого он в немногие годы произвел из капитанов в великого адмирала, также и прочие иностранные генералы с жаром отсоветовали ему делать это и употребляли все силы, чтобы остановить его, но, только благодаря печальному опыту, он узнал недостаточность прежнего воинского порядка в своих войсках против храброго и хорошо предводимого неприятеля.

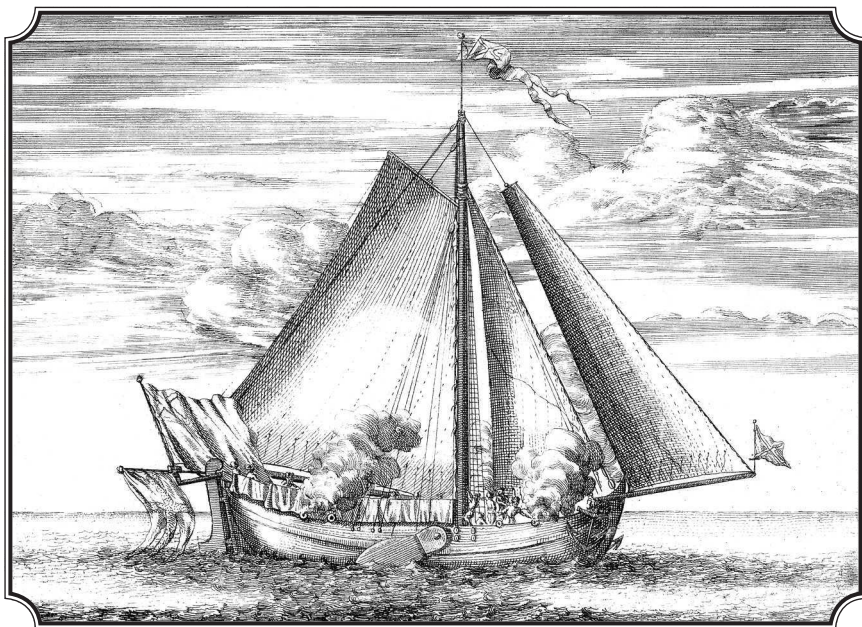
12. Со всеми силами, состоявшими в то время от 34 до 40 тысяч человек, он осадил город Нарву и не пропустил ни одного из предостережений, какие умели внушить ему генералы, чтобы сделать невозможной выручку крепости. Осадное войско окопалось до зубов; для большей безопасности поставлен был

генерал Шереметев с 8-ю тысячами войска в чрезвычайно трудном проходе на том пути, откуда могли прийти шведы. Но как только эти отыскали другую дорогу и явились для нападения, несмотря на неудобную местность и недостаток в других пушках, кроме полковых, Шереметев, напротив, вдоволь снабженный артиллерией, оставил назначенное ему место и в большом беспорядке отступил к главному стану. Тут Петр нашел достаточную причину не подвергать опасности свою особу и как можно скорее вернулся в Новгород. Перед отъездом он охотно сдал начальство своему новому фельдмаршалу герцогу фон Кроа, взятому им незадолго перед тем из императорской службы. Но как этот извинился тем, что не знал еще войска, оно осталось в руках генерала Вейде (беглого аптекарского ученика, в немногие годы достигшего этого чина) да еще старого русского генерала Головина. Двое таких благоразумных богатырей построили все войско в три человека кругом обводной черты стана (*Circumlationslinie*), вдоволь упичканной пушками, не вспомнив о запасном войске (резерве), и в таком построении ждали неприятельского нападения. Шведы, которые как только пришли, так и напали двумя колоннами, несмотря что уже дело шло к ночи, не встретили большого затруднения, чтобы прорваться через эти три черты, и без большой потери взяли часть русского стана, где перекололи всех находившихся между их колоннами. Ночь, наступившая вскоре потом, помешала их дальнейшим успехам, и русским генералам, вовремя убравшимся из огня, дала случай стянуть полки, стоявшие по обеим сторонам шведского нападения и совсем не бывшие в огне, так что к полуночи у каждого из вождей был в сборе отряд из 8 или 10 тысяч совсем еще свежих людей. Но вместо удара на шведов, совсем утомленных и ничего не знавших об этих отрядах, они сочли здоровее и полезнее договориться с ними полюбовно, послали трубача к шведскому королю и сдались ему военнопленными.

13. Русские утверждали впоследствии, что, по точному, хотя только изустному договору о сдаче, они выговорили себе отступление с верхним и нижним оружием и не обещали оставлять ничего, кроме обоза и артиллерии: на этом заявлении они основывали всегда и справедливость возмездий над шведскою крепостною стражей, которая сдавалась им по договору. Но шведы постоянно опровергали это. Как бы то ни было, верно то, что шведский король получил из этого поступка такое дурное мнение о храбрости русских, что свободно отпустил из плена простых солдат, хоть и без оружия, а удержал военнопленными и отослал в Стокгольм одних генералов и высших офицеров: впоследствии он оказал тем Петру I большую и существенную услугу, сняв у него таким образом с шеи большую часть старых несведущих генералов и подав ему повод снабдить свое войско более способными начальниками и привести его в гораздо лучшее состояние.

14. Сперва, правда, казалось, что это поражение совсем отнимет всякое мужество у Петра I, [который] по многим явным признакам давал заметить, как сильно упал у него дух от того. Получив весть об этом несчастье в Новгороде, он оделся в крестьянский кафтан, обулся в лапти, часто заливался слезами и вел себя так безобразно, что никто не отваживался что-нибудь предложить ему о военных делах. Чрезвычайно ласкал миролюбивых генералов, которые так справедливо советовали ему не воевать, и всеми возможными силами старался склонить шведского короля к миролюбивому расположению, для чего и предлагал ему необыкновенно выгодные и почти невероятные условия.

15. Странное, выше всякого понятия, поведение шведского короля было спасением для России. Судя по всему, она понесла бы потерю от мира, если бы

Шведский бот «Гедан», захваченный русским войском в мае 1703 в устье Невы.
С гравюры Питера Пикара

он состоялся тогда, и не могла бы возвратить ее никогда, по крайней мере при жизни Петра I, потому что замечено во всех поступках этого государя, что он с особенной опасливостью остерегался два раза запинаться об один и тот же камень и в другой раз раздражать того врага, который однажды привел его в страх: так, после поступка Петра при Пруте, он никогда уже опять не давал себя склонить к объявлению войны туркам и лучше хотел прикрыть свои пределы дорого стоившею линией от беспрестанных набегов татар, нежели действовать силою против этой хищнической сволочи, [и] тем самым подвергнуть себя опасности, раздражив Порту.

16. Но так как шведский король совсем не хотел и знать о мире и потому Петр принужден был защищаться, то последний и обратил все возможное старание на исправление замеченных тогда недостатков в своем войске и на приведение своего военного устройства в надлежащее прочное состояние; никто не поощрял его к тому из всех его министров больше великого канцлера графа Головина, которому, по смерти Лефорта, дал он сан великого адмирала. Расстроенные полки были набраны сколько можно скорее, образованы разные новые. Для восстановления артиллерии должны были отдать все лишние колокола московские церкви (которых там до 1600). Все посланники, представители государя при иностранных дворах, получили приказание нанимать в службу как можно больше офицеров, однако ж смотреть, чтобы эти были люди сведущие. Всего деятельнее оказался при этом несчастный Паткуль: в короткое время он отправил в Россию значительное число опытных офицеров, а особливо очень способного и сведущего фельдмаршала по имени Огильби (*Ogilby*).

17. Этот человек наложил собственно последнюю руку на заведение военного порядка в русском войске, особливо в пехоте, и поставил ее на такую ногу, на какой оставалась она до кончины Петра I.

18. Но в полковом хозяйстве, так же как и в обозной и амуничной частях, этот государь предпринял разные перемены впоследствии и для того ввел новые росписи (*Tabellen*) в войске в 1712 и 1720 годах. По этим росписям войско доведено до 40 полевых полков пехоты и 35 конницы, да еще 53 полков внутренней стражи, последние совсем отделены были от полевого войска и назначались особенно для того, чтобы, в случае неожиданного сильного урона в полевых полках, они тотчас могли быть опять пополнены способными и уже обученными людьми.

19. В последние годы царствования Петр I имел в виду ввести и в своем государстве шведский способ содержания войска в мирное время, без отягощения страны, в тех местах, где стояли шведские суда. С этою целью он уже назначил разные необработанные места и отвел их для полков. Но его кончина остановила все предприятие.

20. Хотя Петр I охотно бы дал тоже и коннице такое же устройство, как и у других европейских держав, и в начале шведской войны нанял себе было несколько сот саксонских всадников, чтобы устроить это войско по их образцу, но при этой попытке он нашел, что в обширных странах, где ему должно было вести свои войны и где многое зависит от быстроты маршей, тяжелые лошади не могут выносить усталости, да сверх того нигде и не встречаются в России, и, стало быть, набрать их трудно, потому он и оставил свое первое намерение и довольствовался учреждением в своем войске некоторого рода драгун, которых с большим правом можно бы назвать пехотой на лошадях, потому что хоть они и обучены таким же военным упражнениям, как и драгуны в других государствах, но лошади у них слишком слабы, чтобы устоять против нападения настоящей конницы, и слишком пугливы для нападения сомкнутым строем. Оттого в шведскую войну они никогда и не вступали в правильный конный бой, а употреблялись только для спешных предприятий, причем должны были слезать с коней и сражаться подобно пехоте. Теперешним устройством драгун Россия особливо обязана курляндцу генералу Ренне (*Roenne*). Силу их можно полагать в 33 полка, из 1000 лошадей каждый.

21. Ныне царствующая императрица в 1731 году, по докладу фельдмаршала графа Миниха, решилась обратить девять драгунских полков в такое же число кирасирских; до сих пор образовано только три, но, как замечено, от них мало пользы во время недавних польских смут, а в теперешней войне с турками можно обещать ее себе еще меньше по случаю ужасно дальних переходов, да притом и требуемые на них расходы очень тягостны для военной казны, то и невероятно, чтобы когда-нибудь вполне осуществилось это намерение.

22. Татарскую конницу Петр I совсем отменил в своих европейских областях и сохранил только в Сибири, где она должна служить против калмыков на случай их неприязненных действий. Зато в 1722 году он начал требовать рекрут с подвластных ему казанских татар и разводил их по пехотным полкам, однако ж с сохранением свободы их веры. Хоть офицеры и чрезвычайно хвалят этих татар и говорят, что они самые трезвые, хорошие и прилежные люди, пока держатся магометанской веры, которых почти никогда не за что было и наказывать, но зато согласившиеся креститься зауряд пьяницы, преданы также и разным другим порокам, потому что побратались потом с русскими. Впрочем, многие того мнения, что это поступок, противный здравой политике,— обучать пра-

вильному военному искусству таких людей, которые в душе смертельные враги русским за разные напасти и несправедливости, какие должны были вынести от них, и только и ждут случая отмстить своим мучителям и возратить себе опять прежнюю свободу.

23. Украинские казаки давно уже не в таком положении, как в старину: теперь они могут являться в поле едва с 30-ю тысячами человек. Причина та, что так как некоторые из них принимали участие в восстании Мазепы, то Петр I воспользовался этим предлогом, чтобы убавить льготы всего народа и принудить его к разной барщинной работе и разорительной службе, несмотря на то что, по условиям своего подданства они не обязаны ни к чему больше, кроме службы против неприятеля. В последние годы царствования он решился совсем отнять все их права и вполне сравнять их с русскими; когда же предводитель их и некоторые полковники отважились было сделать ему представления против того и сослались на договорные статьи, он так принял это к сердцу, что велел отвести их в кандалах в Петербург, и если бы пожил еще с год, то наверное поступил бы с ними очень сурово. Смерть его, однако ж, возвратила свободу этим беднякам, а императрица Екатерина утвердила их прежние льготы, хотя и с некоторыми ограничениями*. Впрочем, понесенное ими преследование заставило лучших людей их удалиться к запорожцам и в Польшу, а у прочих до того уронило дух, что теперь они не выставляют в поле прежнего числа людей, не имеют уже и прежней прославленной храбрости и, следовательно, пожалуй, почти затрудняют русское войско, нежели приносят ему пользу. Крымские татары так уж хорошо знают это, что в последнем походе всегда нападали сначала в том месте, где стояли украинские казаки, и тем самым производили много раз замешательство в войске.

24. Петр I никогда не нарушал устройства донских казаков, этого народа, забеглого изо всех соседних народов, который поселился около 100 лет тому назад в болотистых краях между Донцом и Доном, служил оградой тамошним пределам от кубанских татар и был пожалован за то от прежних царей большими льготами и освобождением от общественных повинностей. Хотя и оказались некоторые волнения меж ними незадолго до Полтавской битвы, так что надобно было посылать туда войско, однако ж Петр подверг наказанию одних лишь коноводов, но никак не отплачивал за их преступления всему народу. За то они тоже оказали ему великие услуги во всех его войнах, особливо при его вторжениях в Швецию, где показали особенные опыты своей храбрости. Но истинное число их — тайна, которой никогда не мог узнать от них и сам Петр I, и, как ни часто принуждал к тому их старшин, они давали ему такой ответ, что у них старинный обычай никому не сказывать числа своих. Да это было для него и равнодушно: с него довольно было и того, что они всегда выставляли столько войска, сколько он требовал.

* Но наказанный гетман Полуботок и с ним три старшины скончались в заключении, некоторые оттого заболели, перекалечились, а прочие, дождавшиеся кончины Петра I, освобождены были Екатериной I, но с условием жить в Петербурге четверем из них, другие же возвратились на родину. Облегчения же народу не могло быть при Меншикове, овладевшем было Екатериной. (Прим. переводчика)

25. Запорожские казаки, тоже сбежавшиеся отовсюду, разбойнический сброд, с незапамятного времени поселившийся в Сечи (*Secha*), т. е. степу, окруженном и перерезанном болотами, неподалеку от Днепровских порогов. От других казаков они особенно отличаются тем, что остаются холостыми, не терпят у себя женщин и набирают свое войско у соседей. Скотоводства у них мало, хлебопашества еще меньше, живут большею частью добычей, какую сделают в набегах. До сих пор они нанимались в военную службу без разбора к полякам и туркам, а всего лучше к последним, под покровительством которых и находились постоянно до настоящего времени, однако ж всегда сохраняли свою независимость и свободу выбора и отрешения своего атамана или вождя. Петр I, несмотря на все усилия, не мог ни обуздать их силой, ни расположить к себе лаской: насилия, какие совершил он над их земляками в Украине, не позволяли им никогда поверить словам его. Но в настоящее царствование они добровольно отдались под покровительство Русского государства и оказали ему важные услуги в первом Крымском походе; да и в самом деле, это самые храбрые и отважные из числа всех не обученных правильному строю солдат, да и более страшные для крымских татар, но зато уж если попадут к ним в руки, то подвергаются казни в самых жестоких мучениях как беглецы и изменники.

26. Петр I тщательно сохранял связи, какие имели древние цари с калмыками, жившими прежде на западных берегах Волги, очень ласкал и привлекал к себе подарками их хана Аюку (*Ajuka*), однако ж только два раза пользовался их помощью, а именно: в начале шведской войны и в Дербентском походе. Когда же русский двор в нынешнее царствование замышлял войну с турками, он привязал к себе теснее калмыков, отвел им новое жилище между Доном и Волгой, на месте, которое гораздо лучше и плодороднее прежнего, и в прошлом году с большою пользою употребил их против кубанских татар. Однако ж императрица не может располагать по своему усмотрению сими людьми, как другим неправильным войском, и должна просить их теперешнего хана Дондука Омбо, когда захочет какой-нибудь службы от них. Русские, правда, считают его в числе своих подданных, и его письма к императрице наполнены уверениями в преданности и покорности, однако ж эти восточные любезности не должно принимать в их буквальном смысле: он, Дондук Омбо, так далек от того, чтобы дозволить императрице какую-нибудь верховную власть над собой, что больше считает ее за союзницу, и, когда она предлагает ему какое-либо предприятие, которое ему не нравится, он не задумывается начисто отказать ей в том.

27. Некоторые болгары и сербы, ушедшие из Турции к Петру I, подали ему незадолго до его смерти повод образовать гусарский полк, с тем больше, чтобы ему можно было помещать в него их земляков и таким образом поддерживать тайные сношения с этими народами, а не потому, чтобы он обещал себе большую пользу от их службы.

28. Устройство артиллерии Петр I предоставил генерал-фельдцейхмейстеру Брюсу, шотландцу по происхождению, который в несколько лет привел ее в превосходное положение, несмотря на понесенную ею великую потерю при Нарве. Но до настоящего времени только очень немногие русские стали искусными в этом ремесле, и надобно было употреблять для того одних только иностранных офицеров. Уже в 1714 году число пушек во всем Русском государстве, медных и железных, простиралось до 13 тысяч. С того времени постоянно продолжали

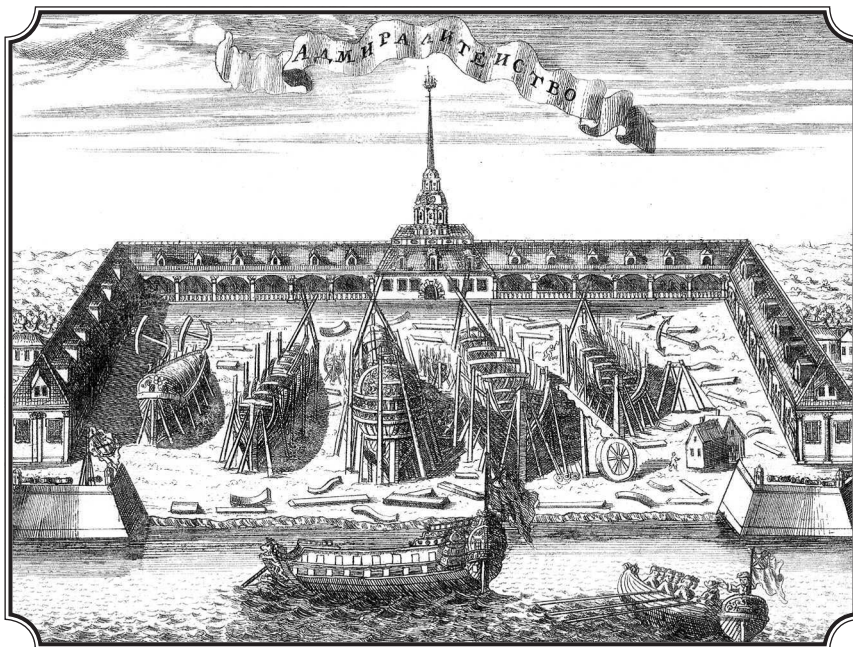
лить пушки на 5 пушечных заводах, а именно: в Москве и Петербурге медные, а в Воронеже, Олонце и Систербеке чугунные орудия. Отсюда легко видеть, что означенное число пушек впоследствии значительно увеличилось.

29. В 1720 году, при последнем устройстве военных сил, Петр I завел, чтобы каждый батальон возил с собой две 3-фунтовые медные пушки, а тяжелая артиллерия, за исключением крепостных пушек, должна быть распределена так, чтобы общий склад ее (магазин) оставался в Москве, а в других местах государства учреждены были три склада: в Павловске на Дону, в Брянске, на польской границе, и в Петербурге; в каждом из них должен всегда находиться в готовности полный артиллерийский обоз, состоящий из 204 пушек и 72 мортир различного калибра со всеми принадлежностями.

30. Учреждение Инженерного корпуса он тоже поручил упомянутому генерал-фельдцейхмейстеру, который и завел с этою целью особенные училища в Москве и Петербурге для обучения русских молодых дворян военно-строительному (инженерному) делу. Они доставили порядочное число смотрителей за постройками (*Conducteurs*). Но до сих пор еще не видали ни одного русского, который достиг бы некоторой смышленности в этом деле или найден был настолько способным, чтобы употребить его в качестве инженерного офицера.

31. Но из всех учреждений Петра I нет ни одного, где бы работал он сам с большим рвением и старанием и посвящал больше труда, как учреждение флота. По всем другим частям он довольствовался поверкою главного плана (чертежа), а подробности предоставлял тем, на кого возложит исполнение; но, если дело шло о флоте, он входил в самые пустые мелочи: в Адмиралтействе не происходило ничего, не вбивалось ни одного гвоздя без доклада ему и без его одобрения. Не проходило ни одного дня, чтобы он не провел в Адмиралтействе и при постройке кораблей нескольких часов, и, если еще тут нужно бывало что-нибудь сделать, все другие дела откладывались. Ни одна победа не могла принести ему столько удовольствия, сколько самая ничтожная поверхность, одержанная его кораблями или галерами. Взятие плохого фрегата и шести негодных галер праздновал он пышным торжеством (*Triumph*) и многими другими, совсем не соответственными, изъявлениями радости: когда его галеры овладели при Гренгаме 4-мя маленькими шведскими фрегатами, он велел по этому случаю поставить перед Сенатом в Петербурге большой победный памятник (*Trophée*) в виде пирамиды. Зато и ничто не огорчало его так больно, как самое неважное несчастье с его кораблями: помилуй только Бог того, кому хоть каким-нибудь образом можно было поставить это в вину!

32. Страсть вообще к флоту брала у него верх над всеми другими желаниями и склонностями. Сколько ни давал он заметить в других случаях свою осторожность, чуть не похожую на боязливость, однако ж отваживался на все, как скоро дело шло о флоте. Когда в конце 1719 года Аландские переговоры были прерваны, а англичане заключили мир с шведами, Петр полагал, что английская эскадра, пожалуй, в состоянии разорить Кронштадт, и для того охотно купил бы мир возвращением Ливонии и Выборга. Но так как шведы настаивали на отдаче Ревеля, в соседстве которого он находил уместным поставить свой флот, то и решился пуститься наудачу и продолжать войну. Когда, напротив, шведы при Ништадтских переговорах настойчиво требовали Выборга, а Петр находился уже в гораздо выгоднейшем положении и знал по опыту, что ни Швеция, ни

Адмиралтейство в Санкт-Петербурге.

С гравюры А. Ф. Зубова. 1717 г.

Англия не в силах причинить ему и самого ничтожного вреда, не многого недоставало, чтоб он из сильного желания мира не возвратил это важное место, которое справедливо можно считать ключом к Петербургу. Граф Ягужинский с этою уступкою был уже в дороге, и, если бы граф Остерман не поправил этой опрометчивости своею ловкостью и не внушил шведским уполномоченным подписать мирный договор еще до приезда вышепомянутого графа, Россия наверное уж потеряла бы упомянутую крепость.

33. В детские годы Петр I обнаруживал чрезвычайное отвращение к воде, так что, если приводилось ему переезжать только мельничную плотину, коляска его ехала в объезд ее, чтобы ему не видать было этой страшной стихии. И так никто тогда не помышлял, чтобы вода стала когда-нибудь предметом его господствующей страсти. Маленький бот произвел эту изумительную перемену. В то время, когда Петр начал водиться с иностранцами, он нашел полустгнившее судно в Измайловском загородном доме, очень недалеко от Москвы. Голландец, с которым Петр I иногда разговаривал, поправил этот бот и показал ему на Измайловском пруде, как можно плавать на нем по ветру и против ветра. Петр I, имевший природную склонность к механическим искусствам (как впоследствии до конца его жизни самым приятным его занятием было точение, дергание зубов, выпускание воды у больных водянкой и другие подобные фокусы), нашел особенное удовольствие в этом упражнении и велел построить себе несколько судов побольше на Переяславском озере, лежавшем недалеко от Москвы. На них и забавлялся плаванием в обществе нескольких английских и голландских купцов. Вслед за тем желание видеть суда еще большие привело его в Архангельск и было, вероятно, самую сильную побудительную причину, заставившей его решиться на известные большие путешествия в Голландию и Англию. Там со всею важностью принялся он за кораблестроение, брал в руки топор, много

работал на Саардамской верфи, позволял свободный разговор с собой, как с корабельным мастером, и слышал не без удовольствия, когда другие звали его «мастер Питер Базе».

34. При отъезде своем из Голландии он нанял в службу большое число морских офицеров, матросов, корабельных плотников и других ремесленников, нужных при кораблестроении, и отослал их в Россию. Как скоро вернулся в Москву, со всеми этими людьми он сделал поездку на Дон и учредил в Воронеже Адмиралтейство, обязал всех богатых людей в своем крае построить ему на свой счет корабли и, благодаря этому средству, спустил в воду порядочное число больших и малых судов, посадил на них тех иноземных матросов, подчинив им для обучения своих русских, призванных им на морскую службу из приморских областей, а между тем послал множество молодых людей из знатнейших родов для обучения мореплаванью в Англию, Голландию и Италию.

35. Так как Дон при своем истоке так мелок, что не может совсем носить больших кораблей с грузом, то он завел недалеко оттуда, при Таганроге, на Азовском море, очень дорогостоящую пристань, которую назвал Троицкой: тут все суда, прошедши устье Дона без грузов, совсем раснащивались и могли стоять в полной безопасности. Хотя наставшая потом шведская война немало охладила то рвение, с каким он занимался до сих пор умножением своего флота на Черном море, и обратила его внимание на другие предметы, однако ж он никак не давал приходить в упадок заведенным там учреждениям, но каждую зиму делал поездки в Воронеж так часто, как только имел возможность и если находился в России; там, по случаю близкого подвоза леса, он оставил главный магазин своего тамошнего Адмиралтейства: отсюда, по всем обстоятельствам, нельзя заключить ничего другого, кроме того, что, по окончании шведской войны, у него было постоянное намерение схватиться снова с турками и покрасоваться с своими морскими силами на Черном море.

36. Но несчастное дело при Пруте было решительной помехой этому намерению. По мирному договору, который он нашелся вынужденным заключить тогда с турками, ему должно было скрыть Троицкую пристань, возвратить Азов и выдать туркам или сжечь все его корабли, какие еще не могли быть переведены в Воронеж. Хоть он так долго и откладывал исполнение своего обещания, сколько было ему возможно, в надежде, что между тем могло случиться такое выгодное стечение обстоятельств, которое совсем освободит его от того, но как турки безотвязно приступали к нему с исполнением и грозили новой войной, которой он старался избегать всеми силами, то он и решился наконец бросить совсем морские учреждения на Дону и перевести в Петербург все, что хотелось ему взять оттуда.

37. В одно время с основанием Петербурга, что случилось в 1704 году, он положил тут начало и Адмиралтейству, приказав строить несколько вооруженных судов. Но до того времени дело велось очень мешкотно, отчасти потому, что до Полтавской победы у Петра мало было надежды удержать за собой владение Петербургом; с другой стороны, там сначала оказалось столько неудобств для заведения флота, что они отпугнули бы всякого другого, кроме его. Течение Невы в ее русле (фарватере) между Петербургом и Кронштадтом во многих местах не глубже 8 футов, так что все военные суда, построенные в Петербурге, тотчас после постройки и прежде чем получают необходимый балласт, надобно

сплавлять по каналам в Кронштадт с большим трудом и издержками, и вовсе нельзя приводить их назад. Кронштадтская пристань по случаю льда доступна едва шесть месяцев в году и имеет такое положение, что ни один корабль не может выходить из нее иначе, как при восточном ветре; сверх того, вода в ней пресная и самые лучшие корабли обращаются в гниль несколькими годами. Но самое большое затруднение делала доставка нужного на постройку дубового леса, которого нигде нет в соседних с Петербургом областях, а надобно доставать его из-за Казани, да сначала еще везти до 200 миль к реке, а потом такое же расстояние прогонять в плотках; к тому же он такого плохого качества, что ни один корабль, построенный из этого дерева, не оставался целым в продолжение 12 лет.

38. При таких обстоятельствах Петру нельзя было сделать больших успехов в своем флоте в Петербурге: сначала дело шло так медленно, что в 1713 году весь флот его состоял из 4 линейных кораблей, двух фрегатов и шхун (*Schnauen*). На другой год он думал помочь себе тем, что велел построить в Архангельске несколько кораблей из соснового дерева и купить разных готовых военных судов в Голландии и Англии. Но шведы, забравшие всё, державшее путь в русские пристани, захватили в дороге иностранные корабли, отчего и архангельские должны были оставаться дома. Голландские и английские эскадры, вошедшие в 1716 году в Зунд для прикрытия своих купцов от шведского грабительства на море и даже доставившие Петру I удовольствие разыгрывать несколько дней великого адмирала, принудили шведов бросить их занятие и подали ему случай притянуть к себе не только новокупленные в Англии и Франции военные корабли, но даже и его архангельскую эскадру и безопасно прислать ее в Петербург: это доставило ему возможность вывести в 1718 году в море 22 корабля и в 1719 году 28 таких же. Шведы, при своих плохих тогдашних обстоятельствах, не в силах были им противиться и по этому случаю должны были дозволить русским фрегатам, по их примеру, не только грабить шведские, но и всех других народов корабли, привозившие съестные припасы в Швецию, а самые корабли отводить в Ревель.

39. Значительную долю из этих добыч Петр I всегда давал экипажам фрегатов, захвативших эти корабли, без сомнения, в тех видах, чтобы тем заохотить своих людей к мореплаванью. Нельзя было, впрочем, заметить, чтобы это оказало на них большое действие или уменьшило неодолимое отвращение русских к этой стихии. Несмотря, однако ж, на это отвращение, он довел дело до того, что в последнем году жизни у него уже было хорошо устроенное Адмиралтейство; он мог уже вполне вооружить и спустить в море с лишком 30 линейных кораблей с значительным числом фрегатов и других малых судов и снабдить их матросами, большею частью из своего народа.

40. В царствование его преемницы, императрицы Екатерины, морское дело в России велось гораздо ленивее, а потом им вовсе пренебрегали в те три года, когда Петр II носил имя русского императора и получили правление старинные русаки. Нынешняя императрица хотя и пожелала восстановить флот и, тотчас же по своем возвращении из Москвы в Петербург, нарядила для того особую комиссию, однако ж до сих пор он не приведен опять в то состояние, в каком оставил его Петр I, и, когда надобно было обложить с моря Гданьск в 1734 году, самое высшее, что могло доставить петербургское Адмиралтейство, было 15 кораблей, да и те еще так плохо снабжены войском, что, если бы фран-

цузы имели только 9 или 10 военных кораблей на море, русский флот очень бы призадумался завязать с ними дело.

41. Впрочем, остается еще вопросом, доставил ли Петр I особенную выгоду своему царству и приобрел ли существенное приращение своему могуществу, заведя флот на Балтийском море, а особливо в таком большом размере.

42. Таково уже положение России, что водою нельзя сделать на нее выгодного нападения, хотя бы соединились против нее все европейские флоты. Пока войско еще сильно, никакая высадка в русскую область не может совершиться с самою слабою надеждой на хороший успех. Да если бы она была и удачна, зимой, когда всякое сообщение морем прекращается в том краю, высаженные войска остались бы в плену у русских. Если же войско разбито, тогда нечего много и хлопотать. Шведы, единственный народ, от которого Россия должна ожидать подобного предприятия сухим путем, могут гораздо выгоднее внести свое оружие и гораздо легче удержать за собой свои завоевания.

43. Зато и Россия не много вреда может наделать соседям своим флотом. Шведские берега, по случаю утесов, а прусские по причине опасного взморья, недоступны для больших кораблей. Между датскими островами русские могли бы еще предпринять какие-нибудь военные действия. Но, не говоря уже о том, что выгодам России решительно противно воевать с Данией, от которой выиграть нечего и о сохранении которой Россия должна стараться для своей собственной пользы, да и голландцы с англичанами не в состоянии будут видеть равнодушно уменьшение Датского королевства и в этом случае явятся в Балтийское море с такими силами, что русский флот найдет себя вынужденным отступить в свои пристани, а как легко довести его до того, это достаточно показал опыт в последние годы недавней шведской войны.

44. Да и просто невозможно, чтобы русские когда-нибудь были в состоянии образовать такие морские силы, которые могли бы соперничать с флотами морских держав. С одной стороны, их государственные доходы далеко не достаточны для того и будут совсем поглощены подобным предприятием. С другой, у них недостаток в способных моряках: если уж Петр I, со всеми своими уловками, не мог одолеть отвращения русских к мореплаванию, то мало надежды, чтобы когда бы то ни было успел в том кто-нибудь из его преемников.

45. Наконец и защиту торговли и мореплавания, для чего преимущественно содержат флоты другие державы, у русских нельзя принимать в соображение, потому что они не ведут, да и не хотят вести, торговли на собственных кораблях: вся русская торговля ведется посредством иноземных судов, так что безопасность плавания в русские пристани не столько имеет выгод для России, сколько для других народов, так как суда и товары, которые в военное время могут быть захвачены неприятельскими крейсерами, причинят потерю не русскому, а иностранному купцу.

46. Если соединим вместе все данные, а именно, что русский флот для обороны государства лишний, при нападении соседей неудобен и не поддерживает никакой торговли, ни мореплавания, то это придает большую вероятность мнению тех, которые полагают, что Петр I гораздо лучше пособил бы своим пользам и был бы в состоянии совершить гораздо более великие дела, если бы оставил в кармане подданных те изумительные суммы, какие затратил на флот, или употребил бы их на умножение сухопутного войска.

Всего за 20 лет Петру I удалось построить мощный флот и поднять его престиж на такую высоту, что в 1716 г. русский государь был единодушно избран командующим соединенными силами русской, английской, голландской и датской эскадр против шведского флота и каперов.

Спуск ботика на воду

Вся история Петровского царствования — это сперва игра в войну, а потом — непрерывные войны. После «потешных» батальи 1680-ых гг. настала очередь Азовских походов, а с ними — радикальной реорганизации армии и создания флота. Всю жизнь Петр уделял его строительству самое пристальное внимание — от первых Воронежских до последних Санкт-Петербургских верфей. На это были брошены громадные человеческие, финансовые и природные ресурсы. Вводились новые налоги, нанимались иностранные специалисты, уничтожались под корень леса. Петр очень хотел сделать Россию морской державой.

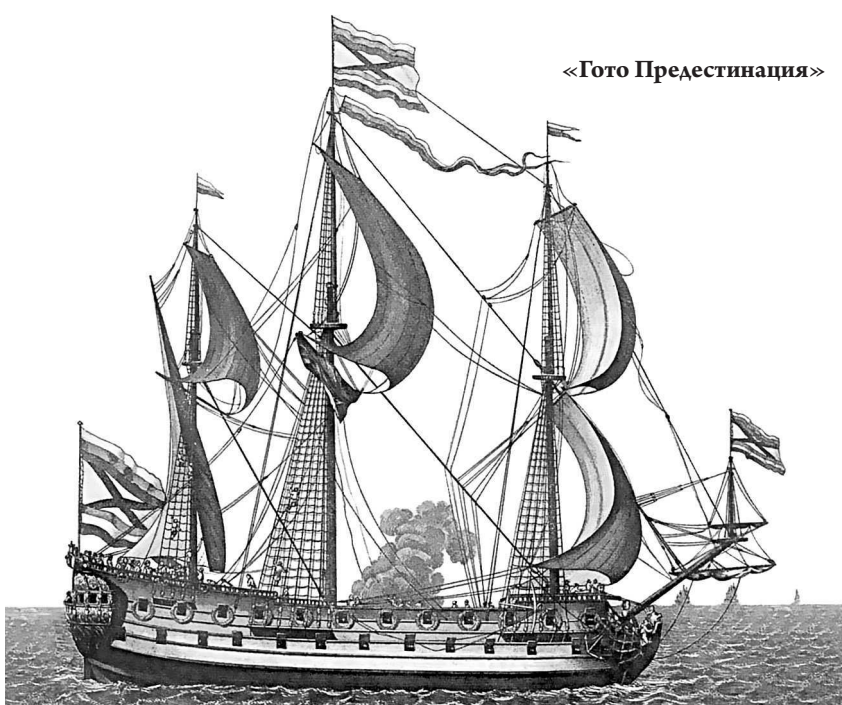
Интерес к морскому делу проснулся у Петра еще в юности, когда среди вещей своего деда Никиты Ивановича Романова он увидел английский бот и узнал, что судно это может ходить против ветра. В предисловии в Морскому уставу, изданному в 1720 г., рассказывается об этом так: «И несколько времени спустя, случилось нам быть в Измайлове на льняном дворе, и гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца, что то за судно? Он сказал, что то бот Английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру; которое слово меня в великое удивление привело и якобы неизменно.

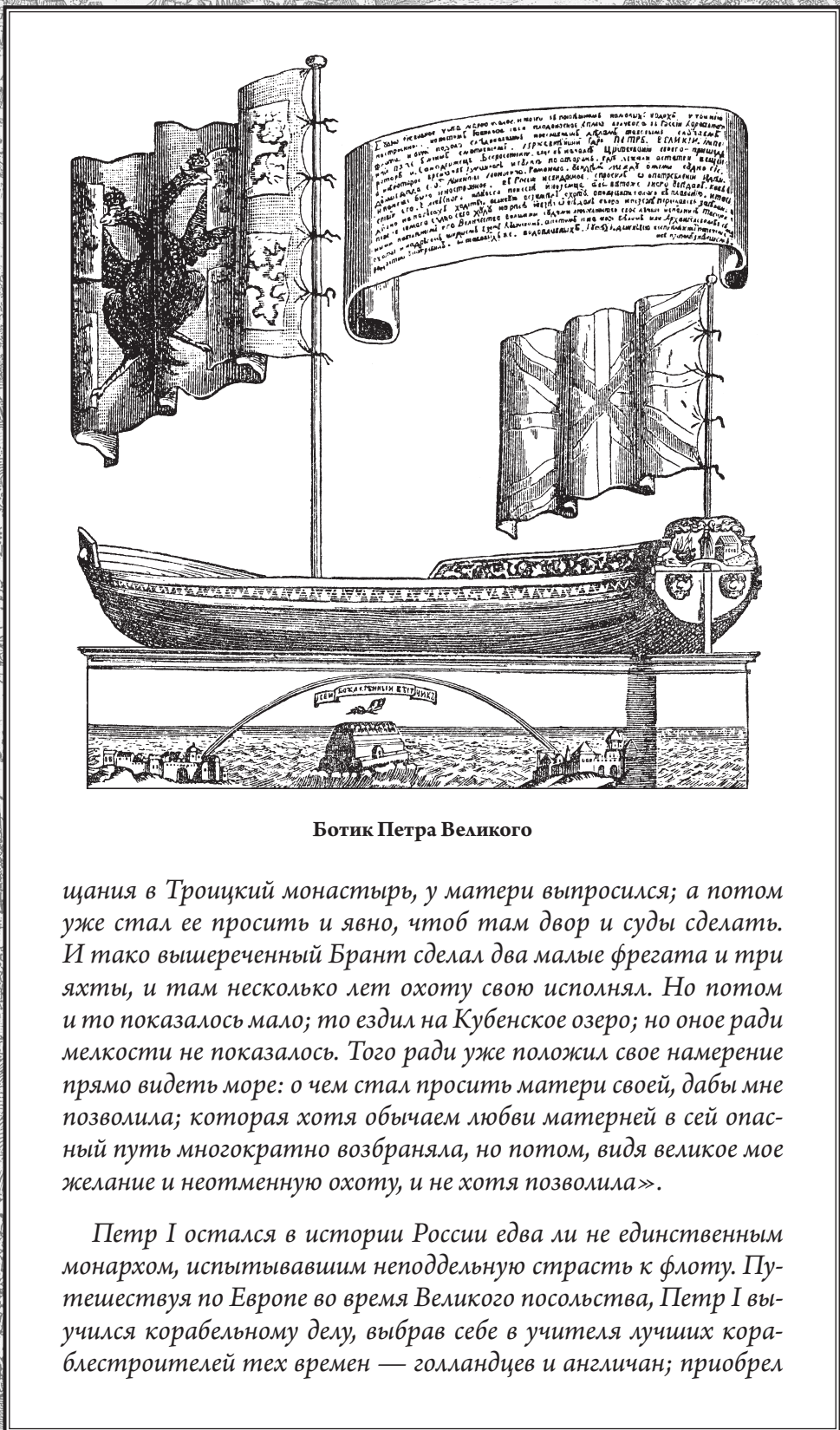
Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход показал? Он сказал, что есть. То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И вышеереченный Франц сыскал Голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей, для делания морских судов на Каспийское море; который оный бот починил и сделал мачт и парусы, и на Яузе при мне, лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более. Того для я стал проведывать, где более воды; то мне объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я, под образом обе-

**Медаль в память первой
постройки кораблей
на реке Воронеж**

«Гото Предестинация»

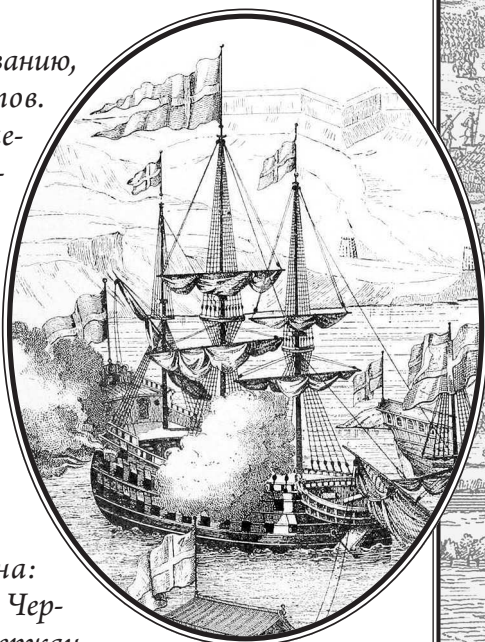
Ботик Петра Великого

щания в Троицкий монастырь, у матери выпросился; а потом уже стал ее просить и явно, чтоб там двор и суды сделать. И тако вышеереченный Брант сделал два малые фрегата и три яхты, и там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро; но оно ради мелкости не показалось. Того ради уже положил свое намерение прямо видеть море: о чем стал просить матери своей, дабы мне позволила; которая хотя обычаем любви матерней в сей опасный путь многократно возбраняла, но потом, видя великое мое желание и неотменную охоту, и не хотя позволила».

Петр I остался в истории России едва ли не единственным монархом, испытывавшим неподдельную страсть к флоту. Путешествуя по Европе во время Великого посольства, Петр I выучился корабельному делу, выбрав себе в учителя лучших кораблестроителей тех времен — голландцев и англичан; приобрел

книги по судостроению и мореплаванию, нанял иностранных специалистов. Понимая, что развитие флота невозможно без изучения астрономических наук и механики Петр I в 1701 г. открыл в Москве Школу математических и навигацких наук для подготовки флотских и армейских офицеров. Эта школа, расположившаяся в здании Сухаревой башни, стала первым светским учебным заведением в России.

И эта задача была выполнена: в ходе войн с Турцией и Швецией на Черном и Балтийском морях был одержан ряд побед, были созданы опытные отечественные военно-морские кадры. Но уже к концу царствования созданный Петром флот начал испытывать значительные трудности, а после смерти императора, брошенный на произвол судьбы, вскоре сгнил. Лишь более чем через полвека Россия сумела до некоторой степени восстановить свои военно-морские силы.

**«Молящийся
Св. Апостол Петр»,
построенный
в Воронеже в 1696 г.**

**Навигаторы берут высоты светила и изучают астрономию.
Гравюра аллегорического содержания**

47. По крайней мере даже самые рассудительные моряки в России думают так, что усиление флота в слишком больших размерах вовсе бесполезно и что Русское государство вполне получило бы все, что рассудительно могло обещать себе от него, если бы содержало не больше 6 линейных кораблей и 12 фрегатов для употребления их в неожиданном случае, подобном Гданьскому делу в 1734 году.

48. Но совсем иначе надо судить о галерах, которых Петр I настроил множество и для того учредил в Петербурге особенную галерную верфь и отдельную галерную пристань: в мирное время или когда нет в них надобности, под кров туда можно было отвести до 200 галер и поставить их там на суше.

49. Этот род судов до Петра I никогда не был известен в Балтийском море: первую мысль о них подали ему какие-то греки и далматы, пришедшие в Россию в первую турецкую войну и построившие эти суда в Воронеже по образцу турецких галер. Пока флот находился на Дону, русские с большою выгодой пользовались этими судами для набегов на Азовском море; когда же морские учреждения переведены были в Балтийское море, нашли, что этими судами можно было еще выгоднее пользоваться в тамошних утесах. И так Петр I недолго мешкал воспользоваться этой выгодой и в несколько лет собрал в Петербурге до 300 галер.

50. При этом учреждении он далеко не встретил тех неудобств, какие должен был одолевать при заведении корабельного флота. В лесе ему нечего было затрудняться, потому что для галер нужен сосновый, а Финляндия да окрестности Петербурга доставляли его сколько угодно. Постройка галер далеко не требовала такого искусства, как кораблестроение: в Або большую часть их срубили русские солдаты своими плохими ручными топорами под наблюдением двух или трех строительных мастеров. Передвижения галер так легки и требуют так мало опытности, что в конце шведской войны в войске, стоявшем в Финляндии, не было ни одного пехотного капитана, который не умел бы начальствовать галерой так же хорошо, как лучший греческий пилот, а так как галеры большею частью ходят на парусах и почти каждую ночь пристают к берегу, русский солдат нашел это путешествие до того удобным и так привык к нему в короткое время, что с удовольствием садился на галеру; когда даже и ветер был противный, он лучше охотился грести веслами, чем маршировать с поклажею за спиною.

51. Эти галеры оказали Петру I самые великие и важные услуги в последнюю шведскую войну, им одним обязан он благодарностью за столь же славный, как и выгодный, Ништадтский мир. Потому что хотя шведы и потеряли Ливонию и Ингрию, но ни русское войско, ни русский флот, если бы настолько и были сильны, не могли придвинуться ближе к их сердцу или принудить их к вечной уступке этих областей по мирному договору. Горы, воды и болота, везде прорезывающие обширную Финляндию, доставляли шведам довольно удобств, чтобы оспаривать у русских землю шаг за шагом и мешать их дальнейшему вторжению; так называемые шеры, или каменные утесы, которые на милю тянутся цепью в море вдоль финского и шведского берега от Выборга до Кальмара, считались неодолимой защитой (*Bollwerk*) Шведского королевства от всяких нападений с моря. В самом деле, ни один военный корабль без особенной удали не мог отваживаться в наполненные кривыми и слепыми утесами проливы, образуемые шерями. Но что удерживало корабли, послужило к выгоде галерам, для которых

нужна небольшая глубина, и подало им случай обходить финские проходы даже в виду неприятельского флота и в один поход овладеть всей Финляндией, а потом переправляться в Швецию везде, куда хотели делать высадки, и разорять огнем и мечом внутренние места этого государства, меж тем как никто не в состоянии был остановить такие разорения ни водою, ни сухим путем. Большие корабли не смели входить в эти воды, а шведские войска только что соберутся в одном каком месте в слишком значительных силах для русских, эти последние в минуту садятся на суда, пристают далеко оттуда в другой стороне, да и разыгрывают там такую же «драму с пожарами». Шведы сначала хотели противопоставить им тоже галеры, но выстроили их так неуклюже, да и солдаты их так плохо знали шноровку в передвижении этих судов, что им нечего было и тягаться с русскими: первые шесть, появившиеся в море, достались тотчас же русским со всем войском. В то же время шведы ласкали себя тем, что английская эскадра остановится в Ботническом заливе, имевшем несколько миль и довольно чистом, и будет держать в почтении к себе русские галеры, которым необходимо было проходить мимо ее. Но англичане считали эти воды слишком опасными, а потому и не хотели рисковать своими кораблями.

Это придавало русским смелости накрыть в другой раз шведов: все места, где приставали, они наполняли убийствами и пожарами, так что шведы, напрасно испытавши все оборонительные меры, принуждены были наконец купить безопасность своих домов уступкою лучших и плодороднейших областей: они еще должны были считать великим счастьем, что Петр I не изъявил желаний требовать уступки всего, чем завладел он (*uti possidetis*), служившей основанием всех прежних договоров между Россиею и Швециею, и отхватить у них Финляндию.

52. В самом деле, эта умеренность Петра I казалась непонятною для всех, которые еще не бросили предубеждения, овладевшего обществом к этому государю, и имели точные сведения о положении северных дел и значении упомянутых областей. Так как Петр I решился уже раз сделать своим постоянным местопребыванием и столицею своего царства Петербург, до сих пор еще получающий большую часть необходимых потребностей из Финляндии, завоевание этой страны было царю гораздо нужнее и значительнее Ливонии сколько для безопасности его новых учреждений, столько же и для присмотра за ними. Он не рисковал ничем в случае своих настойчивых требований. Что Англия не могла ему нанести никакого вреда, он знал уже это по опыту, а шведы чувствовали себя до того расстроеными, что не могли больше сделать никаких усилий: один только поход наверное довел бы их до того, что они должны бы были купить мир за всякую цену.

53. Впрочем, Швеция еще небезопасна в этом случае, и, если когда-нибудь храбрый и предприимчивый государь вступит на русский престол, ей трудно будет оборонить от галер Финляндию. Это в ясных словах пророчил шведским чинам их собственный адмирал Эреншильд (*Ehrenschild*), бывший несколько лет в плену у русских. Когда в 1726 году выходили кое-какие затруднения с русским двором из-за голштинских дел, Эреншильда спросили там: если бы дошло у них до разрыва, сколько ему понадобилось бы военных кораблей для приведения шведских берегов в безопасность от овладения русскими галерами, он объявил, что не в силах этого сделать и с тысячею кораблей.

V

КАКИЕ НОВЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЗАВЕДЕНЫ ПЕТРОМ I
ДЛЯ ТОРГОВЛИ В РОССИИ?

1. Торговля, которую ведут в России, так разнообразна и до того отлична по своей природе от обыкновенной торговли в других европейских землях, что нельзя получить ясного понятия о тех переменах в ней в царствование Петра I, не предпослав краткого известия о каждой ее ветви.

2. Вообще торговля, какая в ходу в России, разделяется на 2 разряда: внутреннюю и иностранную.

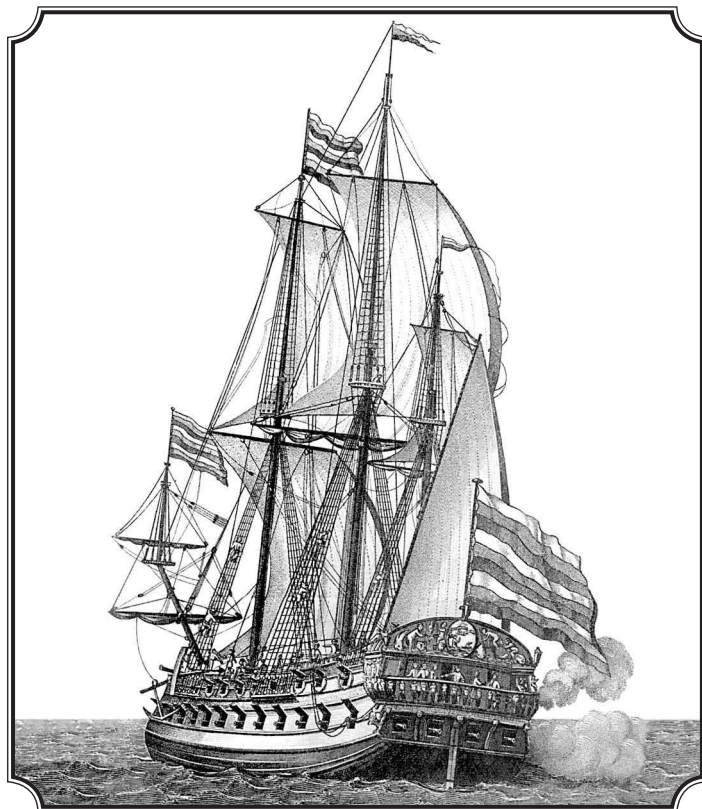
3. Под именем внутренней торговли разумеют не только, что везется из одной области в другую, но и сбыт русских и иностранных товаров в морские пристани. Для своих родов этой торговли Россия имеет лучшую местность и большие удобства, нежели какие встречаются в другом европейском государстве.

4. Огромное пространство Русского царства, которое в длину занимает до половины нашего полушария, а в ширину простирается от 46 до 70 градуса, доставляет ему невероятное множество товаров и почти все нужное для поддержания человеческой жизни и служит причиною того, что, если в одной области случится какой недостаток, он тотчас же пополняется из другой. Перевозка купеческих товаров, точно так же как и съестных припасов, чрезвычайно облегчается большим числом судоходных рек, повсюду орошающих страну и расположенных так выгодно, что от Петербурга до китайской границы, на расстоянии 12 тысяч верст, можно, если угодно, ехать сухим путем только не больше 500 верст. Самая перевозка на колесах в России далеко не так дорога, как в других европейских государствах, и от Москвы до Петербурга за 757 верст расстояния зимою платят с пуда или с 40 русских фунтов не больше 4, а по самой уже высокой цене — 5 грошей.

5. По случаю этих выгод внутренняя торговля в больших и меньших размерах с давнего времени предоставлялась одним только русским гражданам и ни одному иностранцу не дозволялось ни возить из морских пристаней его товары в страну, ни покупать там русских и отвозить их на морскую пристань. По законам ни один иноземный купец не мог даже покупать в морской пристани русских товаров у другого иностранца, а только у русского. Торговые сделки он мог заключать с русским как в Москве, так и других городах страны, но отпуск товаров не должен был производиться нигде, кроме морской пристани.

6. Петр I постоянно предоставлял свободный ход этой торговле и ничего не изменял в ней, кроме того, что, переводя оптовую торговлю из Архангельска в Петербург, он возвысил пошлину в первом городе 2-мя процентами на сто, а в последнем понизил на столько же процентов, хотя эта пошлина повсеместно в государстве оплачивалась 5-ю процентами на сто. Впрочем, он с большим старанием сохранял для подданных вышеупомянутое исключительное преимущество и в 1716 году отказался от очень выгодного договора, предложенного Англией, из-за одного только настойчивого требования англичан, чтобы позволять им свободную торговлю с Казанью и Астраханью. Правда, что в молодости, впервые проезжая Прусским государством, он заключил торговый договор с покойным прусским королем, по которому прусским и бранденбургским подданным предоставлялась свободная торговля по всей России. Но этот договор никогда не был

Корабль «Гото Предестиния». Вид с кормы.
С гравюры А. Шхонебека. 1701 г.

«Гото Предестиния» («Божье предвидение») — русский 58-пушечный парусный линейный корабль, спущенный на воду 27 апреля 1700 г. на воронежской верфи. Строился по проекту Петра I под руководством известного в будущем корабельного мастера Федосея Скляева. Петр I принимал участие и в кораблестроительных работах, а также руководил церемонией закладки

корпуса «Гото Предестинии» и участвовал в спуске корабля на воду. «Гото Предестиния» стал первым российским линейным кораблем, созданным в России без участия иностранных специалистов. Входил в состав Азовского флота. В 1711 г. после неудачного Прутского похода и потери Азова корабль был продан Османской империи.

приведен в исполнение; когда же в 1725 году барон Мардефельд наведывался о нем у русских коммерции советников по случаю приготовленной поставки прусского сукна, они посоветовали ему по-приятельски не затрагивать этого условия, потому что на него нельзя согласиться без разорения всех торгующих граждан в России. Со всеми своими настойчивыми просьбами он ничего не добьется больше, кроме того, разве что сделает ненавистной прусскую торговлю, у которой и то уж довольно врагов.

7. Армянам хоть и позволено возить их персидские товары на Астрахань через Россию в Петербург и отправлять на судах в другие земли, наоборот, также отправлять в Персию тою же дорогой товары, выписанные из чужих краев с платою пошлины 2 процентов на сто, но при этом взяты строгие предосторожности, чтобы они не продавали своих товаров в России. Тюки их

запечатываются множеством печатей в той пристани, где останавливаются; эти печати армяне должны показать неповрежденными в другой пристани, из которой вывезут свой товар. Так как эта торговля доставляет в казну значительную пошлину и не делает никакого вреда внутренней торговле русских, то и осталась при своем прежнем устройстве.

8. Иностранная торговля, посредством которой иноземные товары привозятся в Россию, а русские в чужие края, разделяется на морскую и сухопутную.

9. Самая главная сухопутная торговля в России: 1) китайская; 2) калмыцкая; 3) бухарская; 4) персидская; 5) татарская и турецкая; 6) польская и силезская и 7) та, которая из мест, прилежащих к Смоленску, производится с Пруссией.

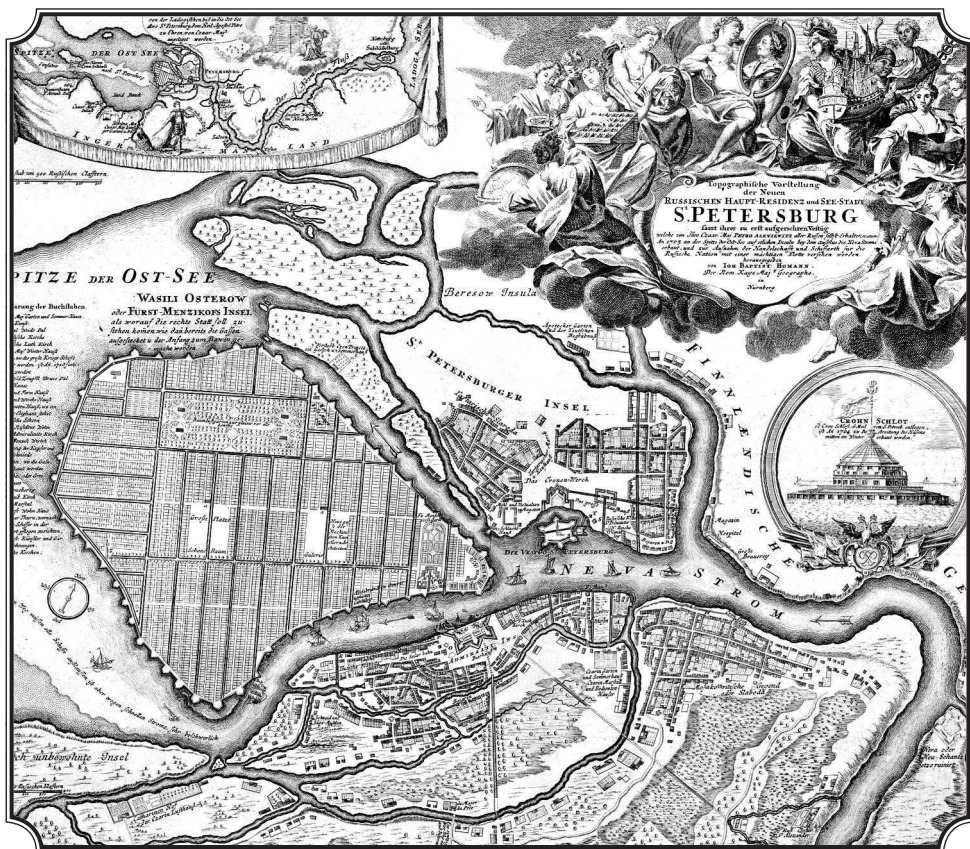
10. Правильная и главная китайская торговля, производимая через Сибирь караванами, составляет исключительное преимущество (*monopolium*) русского правительства. Каждый раз при отправлении каравана Сибирский приказ выбирает из купечества поверенного (*Kuptschin*)*, который получает назначенные для этой торговли деньги, а из русских магазинов в Москве и Тобольске меха, чуть не единственный товар, какой могут русские отправлять в Китай: он везет их туда, продает там, наоборот, накупает китайских товаров и доставляет их в магазин в Москве, где двор выбирает наперед из них себе, какие понравятся, а остальные выставляет для народной продажи.

11. Обратный привоз такого каравана обыкновенно считается на 300 и до 400 тысяч рублей, и если сличить цену, по какой куплены эти товары, с тою, какой они обыкновенно стоят в Москве, то и можно сделать одно только заключение, что барыш должен быть чрезвычайно велик, особливо когда провоз и другие расходы, несмотря на большую дальность, не доходят до 5 процентов со ста на весь капитал. Только плохие и странные порядки и распоряжения Сибирского приказа при сбережении и продаже этих товаров и мошенничество приставленных тут чиновников — причина того, что большая часть барыша или пропадает, или переходит в их карманы. Потому что хотя по законам ни одно частное лицо не может торговать в Китае и без особенного позволения иметь свой пай в караване, который для того строго и осматривается на границе при каждой его отправке и возвращении, однако ж поверенные всегда умеют провезти тайком при отходе и приходе каравана значительное число товаров на счет свой или других частных лиц; эти товары вообще гораздо лучше тех, что в караване, а оттого и раскупаются далеко бойчее.

12. Сверх того, основавшиеся в Сибири русские купцы несколько лет тому назад нашли не прямой путь для обмена своих товаров на китайские. Это делается в Урге (*Urga*), месте на реке Селенге (*Selenga*), где хан западных монголов имеет свое местопребывание или, лучше, обыкновенно разбивает свой стан: это место посещается как русскими, так и китайскими торговцами. Благодаря тому привозится опять в Сибирь довольно много китайских товаров, да еще ближайшей дорогой и с меньшими расходами сравнительно с караваном; потому не обходится без затруднений для последнего в сбыте его товаров и без значительной убавки барыша от них.

* Купчину. (Прим. переводчика)

Генеральный план Петербурга. 1720 г.

13. Со всем тем правительство имеет с помощью караванов случай сбывать меховой товар, отчасти доставляемый ему в качестве дани с живущих в Сибири языческих народов, отчасти поступающий к нему в торговых пошлинах этого края, где все уплачивается туземными произведениями (*in natura*); при том оно и не находит другого места для достаточного сбыта этих товаров ни внутри, ни вне государства; по этим причинам Петр I всячески старался поддерживать постоянный и правильный ход этой караванной торговли и для того отправлял разные посольства в Китай, напоследок довел дело до того, что в 1720 году заключен был со старым китайским императором Кам-Ги (*Sam-Hi*) договор, где, между прочим, находилось такое условие, чтобы на будущее время в Пекине проживал постоянно русский поверенный (агент) и занимался там торговлею.

14. Но как русские не сдержали этого договора в других статьях, особливо же оказывали покровительство перебежавшим к ним китайцам, то старый император разом прекратил все торговые сношения с русскими, выслал поверенного с его караваном и, пока жив был, ни тому, ни другому не хотел дозвоить опять доступа в свою землю.

15. Но преемник Кам-Ги ввязался в трудную войну с контаишем (*Contaisch*) камыков, имевшую такой несчастливый исход для него, что он решился отправить два посольства в Россию с просьбою о помощи против этого неприятеля, предлагая возобновить за то торговлю на выгодных условиях. Оба посольства первые, какие когда-либо отправлялись из Китая в Европу, прибыли в настоящее

царствование, одно в Москву, а другое в Петербург. А что порешено с ними, о том не знают еще до сих. Впрочем, сколько известно, торговля с этого времени возобновилась, в Китай отправлен новый караван, но большую часть товаров, пришедших с ним оттуда, истребил последний пожар в Москве.

16. Однако ж люди, знающие толк в торговых делах, полагают, что китайская торговля, как ни выгодною кажется она с первого взгляда, все-таки при теперешнем образе ее отправления в сущности больше вредна, чем полезна для Русского государства. Потому что, говорят они, хотя правительство находит при этой торговле большой сбыт лишних для него меховых товаров, которые едва ли бы могло распродать по такой высокой цене в другом месте, с тем, однако ж, оно должно поддерживать его значительными денежными суммами, которые совсем потеряны для государства, между тем получает, наоборот, из Китая, кроме небольшого количества золота, одни только шелковые и бумажные ткани да другие, вовсе ненужные, товары, из которых может сбывать соседям немного или продавать их для одного внутреннего употребления.

Сверх того, продолжают они, высокая цена, в какой держится меховой товар, с помощью этого средства приносит Русскому государству так мало существенной выгоды, что еще отмечает торговый баланс к невыгоде России: последствие ее таково, что меховой товар не отправляется с выгодой никуда по Европе; напротив, англичане и французы могут сбывать большее его количество с хо-рошим барышом из своих американских поселений, даже в самой же России.

17. Но если только китайскую торговлю в России устроят иначе и распорядятся так, что большая часть приходящих, наоборот, товаров будет только провозиться через эту страну и находить себе сбыт в других землях, тогда, разумеется, эта торговля будет производиться с большей выгодой и сделается гораздо обширнее, нежели до сих пор то бывало. Но пока будет вмешиваться в это дело правительство, эта последняя цель не достигнется никогда.

18. Торговлю с калмыками ведут частные купцы, привозящие этому народу железный, медный и разный мелочной товар и получающие за то от него скот и разные съестные припасы, а часто золото, серебро, также другие драгоценные вещи, добываемые ими в китайских войнах и набегах. Сама по себе эта торговля не очень значительна, но подала русским случай изучить землю калмыков и открыть богатые медные рудники, разработкой которых туземные жители пренебрегают и охотно дозволяют ее русским, если только это частные лица. В эту торговлю Петр I вмешивался не более, как только запретил под тяжким наказанием возить калмыкам пушки, ружья, также другое оружие и одежду.

19. В Бухарской Татарии русские с давних пор вели свободную торговлю и частью покупали у жителей Самарканда на чистые деньги маленькие курчавые овчинные меха, также разные индейские ткани, привозимые на тамошний рынок, часто и цветные камни. Правда, что при этой торговле по дороге туда и обратно купцы подвергались немалой опасности от набегов окрестных татар, однако же она приносила хорошую прибыль: это, между прочим, можно также заключить из того, что в то время когда, она была еще в ходу, за 100 рублей в Самарканде обыкновенно платили в Москве от 150 до 160, а иногда даже и 200 рублей. Но бедственный поход, предпринятый князем Черкасским в Хивинскую Татарию, о котором после будет сказано подробнее, возбудил такую ненависть в бухарских татарах, что они вовсе не хотели иметь дел с русскими и причинили столько

помех их торговле, что она должна была прекратиться сама собою. Хотя Петр I для ее возобновления употреблял все старания, отправляя нарочное посольство в Бухарию, однако ж при своей жизни не мог опять привести в ход эту торговлю. Даже когда нынешняя императрица отправила туда в качестве посланника полковника Гарбера (*Garber*) с богатым караваном, бухарцы наняли сильный боевой отряд у очень хищнического народа казачьей орды (*Kosatschia orda*), который окружил караван на дороге в степи и до того измучил его голодом и изнурением, что он должен был наконец сдаться и повернуть в обратный путь с потерей самых лучших и дорогих товаров.

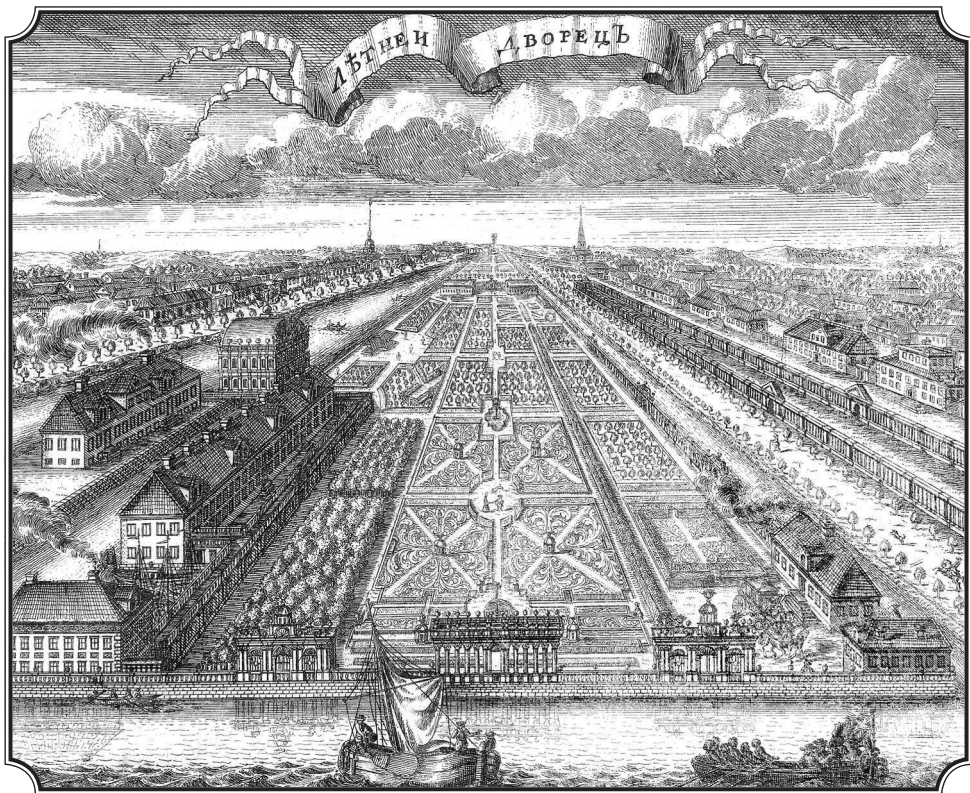
20. После того, по докладу статского советника Кирилова (*Kirilow*), императрица старалась завести поселение в соседственных Уральских горах, которое должно носить название Оренбурга: посредством его ласкали себя надеждой открыть дорогу к бухарцам и другим окрестным татарским народам и привести в безопасность торговлю в тамошнем краю. Но время покажет, достигнется ли еще таким путем эта последняя цель.

21. Из Астрахани русские больше ста лет вели значительную торговлю в Персию, возили свои товары водой на плоскодонных судах до Низовой (*Nisowajo*), а оттуда сухим путем в Шемаху и, наоборот, привозили грубый шелк и персидские шелковые ткани. Задумав завести в своем царстве французские шелковые фабрики в 1717 году, Петр I особенно старался оживить эту торговлю, которая должна была доставлять шелк для этих фабрик. Когда вскоре за тем, во время персидских смут, лезгинские татары заняли Шемаху и ограбили русский караван, стоявший там наготове к отправлению, Петр получил повод, или, лучше, предлог, предпринять персидский поход.

22. Главные его виды при этом клонились к тому, чтобы овладеть областями на Каспийском море, где добывается лучший шелк, и привлечь в свои земли главную торговлю этим товаром, которая до тех пор имела направление в Смирну. Легко завоевал он две из этих областей, Ширван и Гилян, и не только удержал их за собой до самой кончины, но по договору, заключенному с шахом Хамасом (*Thamas*), заставил его уступить еще три других: Мазандеран, Астрабат и Ферабат, хотя никогда и не получал во владение последней. Но как везде, куда ни приходили его войска, ему встречались пустые жилища и жители лучше уходили глубже в страну, нежели покорялись его власти, то он и не успел в своем намерении, да еще был причиной, что выгодная перевозная (транзитная) армянская торговля остановилась совсем, прежнее шелководство в завоеванных им областях упало и развилось в соседственных персидских.

23. По смерти его, русские несколько лет удерживали за собой сделанные завоевания. Но, наученные опытом, что эти покоренные области служат больше бременем для государства, нежели приносят ему пользу, потому что от тамошнего нездорового воздуха ежегодно умирали многие тысячи солдат и расходы на содержание нужного для обороны войска далеко не достаточны, русские решились наконец уступить все эти завоевания опять Персии и выговорили себе за то вполне неограниченную и свободную от пошлин торговлю по всем персидским областям.

24. Многие сомневаются, сдержат ли это для них персияне, да и на самом ли деле так велика и существенна ожидаемая от того выгода, как ласкают себя. Напротив, полагают, что пока персидские товары большею частью привозятся

Летний дворец Петра I и Летний сад со стороны Невы. 1717 г.
С гравюры А. Ф. Зубова

за чистые деньги, как бывает то и до сих пор, и все должны потребляться в России, то, по справедливости, надобно думать о стеснении, а не о распространении этой торговли, по крайней мере распорядиться так, чтобы не шелковые ткани, а только грубый шелк привозился в Россию из Персии.

25. Из Крымской Татари украинские купцы обыкновенно привозят в довольно значительном количестве виноград и другие тамошние плоды и за то возят туда пшеницу и разного рода съестные припасы, которые тотчас же разбирают турки и отправляют в Константинополь. Эту торговлю Петр I нашел не столь важной, чтобы она заслуживала его внимания.

26. Так же точно он предоставил свободный ход и той торговле, которую ведут большею частью греческие купцы прямо из Украины в Константинополь: это потому больше, что посредством ее находят порядочный сбыт собольи и другие нежные меха, которых почти негде сбывать в другом месте; наоборот, привозятся турецкие товары, однако ж в небольшом числе и почти все одни чистые деньги.

27. Напротив, он нашел тем более необходимым ограничить торговлю, производимую из Киева в Братислав (*Breslau*). Первоначально она состояла только в том, что богатейшие дворяне посылали на продажу в Братислав своих волов, доставляемых в невероятном количестве Украиной, и, наоборот, получали немного пряностей и других припасов для дома, а все остальное чистыми деньгами. Но впоследствии основаны были разные кожевенные заводы

в Украине, а иностранные фабричные изделия обложены в морских пристанях высокою пошлиной по тарифу 1724 года, тогда и купцы приняли участие в этой торговле, отправили по этому случаю большие склады юфти в Силезию, а наоборот привезли оттуда значительное количество полотен и других обложенных большою пошлиной товаров, которые и сбыли потом по всем южным областям России. В Украине ее особенные льготы и пошлины гораздо ниже, чем в прочих русских областях; стало быть, русским купцам нельзя было вести торговых дел с украинскими: по этой причине и вся торговля такими товарами перешла в Киев, к большому убытку как для морского пошлинного сбора, так и для туземных фабрик. С другой стороны, торговцы юфтью жаловались, что не могут получать за свой товар больше прежней цены, тогда как в Братиславе он продавался дешевле, чем стоил им самим в Петербурге.

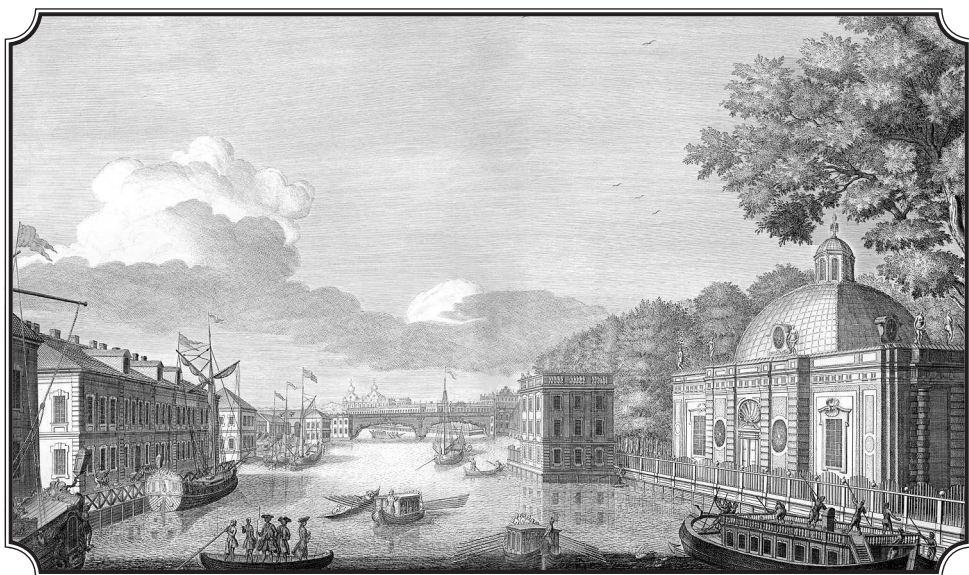
28. Эти неудобные обстоятельства заставили Петра I ограничить торговлю из Киева в Силезию одною только продажей волов и запретить под тяжким наказанием всякую другую, какая могла бы производиться этим путем. Так это и оставалось неизменно как в его царствование, так и его преемников, Екатерины и Петра II, несмотря на то что Венский двор употреблял все возможное для отмены этого запрещения.

29. Но после того как этот двор с настоящего царствования получил чрезвычайное влияние в русских правительственных кружках, он добился наконец того, что братиславской торговле возвращена была полная свобода, хоть и наперекор мнению Тайного совета. Но причины, подавшие повод к ее запрещению, все еще существуют, и всякому знающему морскую и братиславскую торговлю необходимо должен броситься в глаза убыток, какой произойдет для первой от возобновления последней, и потому нет сомнения, что ее запретят опять, как скоро русский двор снова возвратится к своим прежним правилам и поостынет горячая дружба его с Венским.

30. Вышепомянутое возвышение морских пошлин было еще причиною новой тайной торговли из Торопца (*Toropez*) и других городов Смоленской губернии в Королевце и Гданьске, хотя Коммерц-коллегия употребляла все меры для ее прекращения, однако же не могла в том успеть до сих пор. Впрочем, эта торговля строго запрещена, и кого поймают в том, наказывают самым жестоким образом, без всяких уважений: оттого уже и разорились разные зажиточные купцы.

31. Морская торговля производится теперь из семи пристаней: из Риги, Ревеля, Нарвы, Выборга, Колы, Архангельска и Петербурга.

32. Торговлю в Риге надобно считать только перевозной (транзитной): главное состоит в том, что тамошний гражданин скупает на свой или на чужой счет товары, приводимые туда поляками и курляндцами, и отсылает их на иностранных перевозных судах, а своих покупателей снабжает иноземными товарами. Потому все, что ни доставляет в Ригу и ни вывозит оттуда Ливония, не много имеет значения в соразмерности с польскою торговлею. В последнюю шведскую войну эта торговля пришла в крайний упадок, потому что шведы держали в облежании русскую пристань, пока еще владели морем, и не позволяли туда никакого судоходства. Петр I не употреблял важных усилий, чтобы поднять город Ригу, пока не был уверен, что она достанется ему. Но, по совершенной уступке ему этого города, он не оставил ничего, что только могло служить к восстановлению тамошней торговли: подтвердил все городские льготы с старыми

Летний сад. «Проспект по реке Фонтанке от Гроta и Запасного дворца на полдень».
Гравюра Г. Качалова по оригиналу М. Махаева. 1753 г.

уставами и преимуществами в пошлинном сборе и других торговых делах, приманивал большими обещаниями опять в Ригу поляков, которые между тем повернули, по большей части, в Королевец. А улучив для того благоприятное время, когда поляки недовольны были разными новозаведенными порядками в Королевце, он так хорошо успел в том, что в короткое время город Рига опять привлек к себе чуть не всех покупателей, бросившихся было во время войны в Королевец. В самом деле, теперь торговля Риги в таком цветущем состоянии, в каком едва ли была когда-нибудь во время шведов.

33. Напротив, ревельская торговля далеко не в таком цветущем состоянии, несмотря на то что Петр I тоже подтвердил все льготы этого города, а пошлины оставил на том же основании, как и в шведское время. В городе нет никакой реки, и прежние пути сообщения с Россией совсем для него отрезаны благодаря учреждению петербургской торговли; потому он и не получал никаких других товаров, кроме небольшого количества льна и пшеницы, доставляемых из Эстонии, и ничего не имел для сбыта, кроме необходимого совсем нищему эстонскому дворянству, а потому и его торговля не равняется и 20-й доле рижской.

34. Торговля в Нарве в шведское время была немного хуже рижской, потому что не только стекались туда все товары, доставляемые соседними русскими областями, но этим же путем должна была идти персидская и армянская торговля; притом этою же торговлей пользовались иностранные купцы, поселившиеся в Москве для доставки в Россию таких товаров, в которых они замечали недостаток в Архангельске. Но война и последовавшее затем переселение нарвских жителей в Россию совсем подорвали эту торговлю; после, хотя Петр I и позволил опять поселиться там переведенным оттуда жителям, однако ж, чтобы не нанести вреда Петербургу, подчинил этот город русскому пошлинному тарифу и до того ограничил его льготы, что торговля Нарвы никак не могла поправиться при жизни царя. Ныне царствующая императрица возвратила, правда, нарвскому городскому правлению его старинные льготы,

о которых не хотел и знать ни Петр I, ни оба ближайших его преемника, даже отдала ему опять освященную уже по русскому обряду церковь: город и обстроился очень красиво, и торговля его пошла лучше, но все-таки, пока существует Петербург и останется русский тариф, он никогда опять не достигнет прежнего благосостояния.

35. Пока Выборг находился под властью шведов, там был главнейший склад всех тех товаров, какие Финляндия и Карелия могут доставить иноземным народам. Но с тех пор как это место перешло под русскую власть, шведы заложили на границе, в Фридрихсгаме, новую пристань и приучили своих финских подданных туда отвозить свой товар: это стало для них тем легче, что сами русские, вводя свой тариф в Выборге, уронили тамошнюю торговлю, так что этот город получает теперь небольшое количество деревянного товара, дегтя и масла, добываемых в русской Карелии, и тамошняя торговля почти ничего больше, как крестьянская.

36. В Коле, при Северном море, на берегах Лапии, только такая торговля, которой дало начало тамошнее рыболовство. Иностранные корабли, приходящие туда в небольшом числе ежегодно, не привозят с собой ничего, кроме соли, в которой солят семгу, треску и другую морскую рыбу, покупаемую за самую дешевую цену у тамошних рыбаков и потом развозимую по другим европейским землям.

37. Впрочем, на лапонских берегах ловится великое множество тюленей и моржей: из них вытапливается ворвань, которую гамбургские купцы ценят дороже гренландской. Прежде велась свободная торговля этим товаром. Но Петр I обратил ее в торговлю в одних руках (монополию) и подарил ее барону Шафирову. После его опалы она опять поступила в казну; ворвань продавалась в Петербургской Коммерц-коллегии тому, кто больше даст за нее. Но после, когда Шафиров заключил последний мирный договор с Персией и, в награду за то, опять был возведен в свой прежний сан, ныне царствующая императрица снова пожаловала ему эту торговлю ворванью, которая, смотря по удаче и неудаче лова, приносит ему от 12 до 15 тысяч рублей ежегодного дохода.

38. Архангельск — место, где англичане завели первую морскую торговлю с Россией в царствование королевы Елизаветы. В начале настоящего столетия тамошняя торговля находилась в очень цветущем состоянии, так как это была единственная пристань, где русские купцы могли запастись иностранными товарами, куда стекались все торговые богатства из всей России и Сибири, чему немало способствовала Двина, большая и повсюду судоходная река, протекающая больше 1000 верст пространства и имеющая сообщение почти со всеми частями Северной России. Хоть тоже и эта торговля по временам терпела кой-какие стеснения ради императорской выгоды от запрещения вывоза пшеницы, покупки некоторых товаров: юфти, дегтя, ворвани и проч. — и других таких же вредных торговых льгот в одних руках (монополии), однако ж тамошний сбыт был так велик, что происходившие от тех стеснений убытки не особенно бросались в глаза. Но учреждение торговли в Петербурге привело в такой упадок архангельскую, что ныне привозится в Архангельск мало русских товаров, кроме дерева в деле, да еще дегтя, ворвани и проч., которые добываются на берегах Белого моря и Двины и по их тяжести не перевозятся в Петербург; но еще меньше приходит туда иностранных товаров.

39. Петербург обязан теперешним цветущим положением своей торговли одному только пристрастию Петра I и его горячему желанию сделать этот город великим и цветущим во всех отношениях. Правда, что его положение самое удобнейшее для торговли изо всех пристаней в России, потому что посредством текущих туда рек он имеет сообщение хотя и не со всеми, зато с самыми богатыми и плодородными областями Русского царства; ненависть же к нему русских так велика, что они никогда не завели бы там значительной торговли, если бы только это было в их руках, а навсегда бы оставили главную торговлю в Архангельске. Несколько лет кряду Петр I понапрасну старался лаской приучить своих купцов к Петербургу. Все выгоды, каких наобещал он им в пошлинах и других вещах, не были сильны довести их до того, чтобы они отдали предпочтение этому новому торговому месту пред старым; потому он и видел одно только для себя средство к достижению цели — взяться за дело покруче и так затруднить для своих торговых людей дорогу в Архангельск, что они необходимо должны будут проторить ее в Петербург.

40. Лишь только увидел он себя обеспеченным во владении Петербургом благодаря Ништадтскому миру, как и объявил сенаторам свое неперемное намерение относительно перемены в торговле, приказав, чтобы они постарались привести оное в исполнение как можно скорее. Купцы, немало сбитые с толку такими новыми порядками, подали ему подробные представления против того; все его сенаторы и министры подкрепляли их, сколько силы стало: старый великий адмирал Апраксин даже сказал Петру в глаза, что такими переменами он разорит все купечество и возьмет себе на шею вечные, никогда не осушаемые слезы, но он остался непреклонным в своем намерении и в 1722 году запретил вперед не возить в Архангельск никаких других товаров, кроме произведений Архангельской губернии и берегов Двины. Это имело такое действие, что в 1723 году в Петербург навезено было русских товаров великое множество; купцы тоже не могли удержаться, чтобы не следовать за товарными обозами; на другой год строгость этого запрещения несколько смягчена и дозволено более свободы в перевозе товаров в Архангельск, но в обнародованном при этом тарифе пошлина положена 25-ю процентами, на сто выше против Петербурга, на все привозимые в Архангельск и отпускаемые оттуда товары, исключая деготь, ворвань, мачты и другие деревянные изделия. Это само собою было достаточно для отвода торговли в желанный для Петра канал.

41. Сначала казалось, будто бы предсказание русских сбудется и торговля получит страшный удар от такой перемены. Неудобство перевозки из русских областей в Петербург, особливо когда эта дорога была еще не объезжена и сказывался недостаток в требуемом числе судов, до того возвысило цену привозимых товаров, что русский находил плохую для себя выгоду в базарной цене, тем более что иностранец старался еще выгнать пошлинные деньги, какие заплатил в Зунде, на цене своих и русских товаров. Многие русские купцы, особливо каргопольские и выборгские, ежегодно покупавшие в другое время в Архангельске большие склады иноземных товаров на годичный срок и обыкновенно точно поддерживавшие доверие к себе, пользовались случаем и предлогом не посещать ярмарки и тем приводить своих заимодавцев в необходимость гоняться за ними по диким и пустынным местам и искать удовлетворения путем суда: это разорило разные значительные торговые дома в Голландии и Англии.

42. Но после того как этот убыток был забыт и лучше устроились удобства перевозки в Петербург как водой, так и сухим путем, вскоре оказалось, что эта перемена вообще не причиняет ни малейшего вреда торговле и что местность Петербурга еще гораздо удобнее для торговли русским и иностранцам.

43. Наконец русские лучше ознакомились с дорогами в Петербург и, соразмерив свои перевозные суда с глубиною протекающих туда рек, нашли, что могут привозить свои товары в Петербург с такою же безопасностью и с такими же издержками да еще в гораздо кратчайшее время и раньше, чем в Архангельск, а близость их жилищ подала им случай принять меры вернее и лучше как для отправки товаров, так и относительно цен их.

44. Иностранцы выиграли тут сначала тем, что им не для чего было держать два дома: один в Москве, для заключения торговых сделок, а другой в Архангельске, для приема и отпуска товаров, как принуждены бывали делать при старом порядке: они оставались в Москве и там могли заключать сделки, отправлять и принимать товар. Потом, корабли их могли раньше, и два раза в год, приходить в Петербург и выходить оттуда, меж тем как в Архангельске, где река не очищается ото льда до конца мая, а в начале октября уже замерзает опять, им нельзя было сделать в год больше одной поездки (рейса). Но самую большую выгоду иностранное купечество находило в том, что в Петербурге, лежавшем среди других торговых мест или хоть по соседству с ними, оно имело возможность переводить на них, в необходимом случае, свои деньги или получать их также и товаром (*in natura*). Напротив, чрезвычайная отдаленность Архангельской пристани от всех торговых европейских городов делает подобный оборот невозможным, так что кому нужны деньги, тому ничего больше не остается, как подчиниться вексельному курсу, который соображается там вовсе не с свойством торговли или товара, а с изобилием или недостатками денег в запасе, и часто в один год, даже в немногие месяцы, разнится на 15 и даже до 20 процентов.

45. Всеми этими выгодами теперь вознаграждаются затруднения, оказавшиеся для петербургской торговли по случаю зундской пошлины и дороговизны в этом городе: оттого-то и вышло, что хотя, по кончине Петра I, морские пошлины в Архангельске уравнины были с петербургскими, но торговля все же осталась в Петербурге и не обратилась опять на свой прежний путь.

46. Хоть и слышали, однако ж, что Петр I сам не один раз жаловался, что из правительственных дел нет ничего для него труднее торгового дела и что никогда не мог составить себе ясного понятия об общей связи торговли, но верно, что у него были очень здравые мысли о полезном и вредном для торговой промышленности в его царстве и что, если он ошибался в их применении на деле, это надобно приписать не другой какой причине, а только его желанию настоящей выгоды (*lucro praesenti*), страсти, общей у него со многими великими государями.

47. Вообще при своих учреждениях для торговли он имел в виду следующие предметы: 1) как бы ему уменьшить количество иноземных товаров, привозимых в Россию, и за то увеличить вывоз своих туземных; 2) предупредить тайную кражу в пошлинных сборах и привести их в лучший и правильнейший порядок; 3) вырвать морскую торговлю из рук овладевших ею иностранцев и поощрить своих русских к перевозке их товаров на собственных кораблях в чужие края.

Серебряный рубль 1724 года (аверс).
Надпись по кругу: «Петр I император
и самодержец Всероссийский»

48. Для достижения первой цели он выбрал самый простой путь — развитие горного дела и заведение фабрик в царстве, какие обыкновенно заводятся в чужих краях. Еще в свое первое путешествие в Голландию он нанял великое множество художников и ремесленников по разным родам ремесел: булавочников, проволочников, бумажных мастеров, ружейников, суконщиков и прочих; сверх того сделал большие поощрения тем из них, которые сами собою захотят идти в Россию и заводить там фабрики. Хотя начавшаяся потом шведская война не позволила ему преследовать эту цель с надлежащею строгостью, однако ж он так мало упустил ее из виду, что не только постоянно старался привлечь множество людей этого рода, но и отправил многих из своих подданных в Англию и Голландию обучаться фабричному производству, какое там в употреблении. В особенности он старался привести в лучшее положение полотняные и шерстяные фабрики в России и, заметив, что шерсть там очень груба, что за овцами не было надлежащего ухода, он выписал овец и овчаров из Саксонии и Силезии. В свое путешествие во Францию он совсем уже решился завести в России фабрики богатых шелковых тканей, как в Лионе, Орлеане и Туре, и поручил это трем богатейшим и сильнейшим господам в своем крае: великому адмиралу Апраксину, барону Шафирову и графу Толстому, дал им для того очень выгодные льготы, между прочим такую, что им позволялось ввозить в Россию беспошлинно богатые шелковые товары, впрочем, несколько лет только, пока еще их фабрика не будет в полном ходу. Господа продали эту льготу частным купцам за 20 тысяч рублей.

49. Несмотря на все эти выгоды, они находили, однако ж, такую плохую прибыль для себя от этой фабрики, что, потерявши на нее порядочный капитал, через несколько лет бросили ее совсем.

Точно такую же участь имела и большая часть прочих фабрик, заведенных Петром в России с помощью иноземных мастеров, а русские молодые люди, отправленные им в Англию и Голландию, так полюбили тамошнюю свободу, что многие из них предпочли эти страны своему отечеству и никогда не возвращались назад; те же, которые наконец убеждены были воротиться, получили от своих земляков так мало поощрения и такую плохую награду, что с отчаяния вдалились в распутство и лишились от пьянства рассудка и жизни.

50. Со всем тем, Петр I еще при жизни довел разные фабрики до того, что они в изобилии доставляли, сколько было нужно для России, таких товаров, как например, иглы, оружие, разные льняные ткани и в особенности парусину, которою могли не только снабжать флот, но и ссужать другие народы.

51. Наконец, в его царствование разработаны были и рудники в Сибири, особливо старанием одного простого кузнеца Демидова (нажившего при

этом такой капитал, что у сына его теперь больше 100 тысяч рублей доходу), и, вместо того чтобы получать железо и медь из Швеции, как бывало в старые годы, Россия может отправлять и то и другое, особливо железо, в чужие края.

52. Морские пошлины в начале настоящего столетия существовали на странном основании, вовсе не известном другим европейским народам. По уставу все внутренние и иностранные товары должны были платить 4 процента пошлины, кроме пшеницы и вин, для которых была особливая роспись (такса). Но как, по старинному соглашению с купцами, пошлину следовало платить полновесными талерами *Species* (*Species Thaler*), которых приходилось 14 на русский фунт, а талер принимался не выше 50 копеек по старинной его стоимости, несмотря на то что впоследствии он возвысился до 80, 90, даже до 100 копеек и выше, да, кроме того, таможенный вес превышал 5-ю процентами обыкновенный: стало быть, пошлину можно верно полагать в 9 процентов. Однако ж купцы должны были платить ее с баланса, какой оказывался самым высшим на стороне ввозимых или вывозимых товаров, и за то за обратный путь с товарами не бралось с них никакой пошлины: это приносило очень значительную ежегодную прибыль конторам, пользовавшимся поручениями многих и разных купцов, из которых каждому они могли показывать в счетах полную пошлину (т. е. пошлину при ввозе и при вывозе, хотя последняя и не взималась).

53. Этот способ пошлинного сбора введен был сперва в Архангельске. Русские считали его выгодным, полагая, что подобное снисхождение заохотит иностранцев покупать и вывозить русских товаров больше, нежели они были намерены. Но Петр I был такого мнения, что иностранцы и без того должны будут брать русский товар, если имеют в нем надобность или находят выгоду от его сбыта, а с убытком себе и для таможенной выгоды не станут же торговать, потому и считал такое поощрение совершенно излишним и вредным для торговли, тем еще более, что выгода от того шла в пользу не купцу, который выписывал русские товары и, стало быть, заслуживал ее с большим правом, но проживавшему в России поверенному (комиссионеру), который торговал не на свой счет, а зависел от купца.

54. По этой причине он решился отделить пошлины с привозимого и вывозимого товара и заставить платить их особенно с каждого, как водилось то в других торговых местах, для чего и поручил новоучрежденной Коммерц-коллегии, чтобы она, при содействии Мануфактур-коллегии, составила тариф на таком основании и прислала к нему для просмотра, а при том деятельно старалась бы строгим Морским уставом предупредить кражи при пошлинном сборе.

Серебряный рубль 1724 года (реверс).

Надпись по кругу:

«Цена рубль монета новая»

55. Обе коллегии работали над этим несколько лет кряду и, наконец, составили тариф, в котором вообще все русские товары обложены были $6\frac{1}{2}$ процента, зато иностранные по меньшей мере 11, а фабрики не только с хорошим производством, но и такие, которые еще надо было привести в лучшее состояние, обложены 30, 45 и даже до 80 процентов. Хотя поверенные и предлагали при этом, чтобы тариф введен был на таком основании в одном Архангельске, а в Петербурге понижен был на 4-ю долю против того в видах поощрения тамошней торговли, но Петр I не нашел это предложение по своему вкусу, а постановил, чтобы тариф привести в действие, как он есть, в Петербурге, в Нарве и Выборге, а в Коле и Архангельске на 4-ю долю возвысить.

56. После того, в марте 1724 года, тариф был обнародован вместе с очень суровым Таможенным уставом, в том же году введен и со всею строгостью приведен в исполнение, несмотря на то что некоторые корабли отплыли уже в Петербург прежде, нежели в другие земли пришло известие об этом тарифе, и на тариф и на устав поступили большие жалобы от туземного и иностранного купечества; таможи на другой же год нашли, что доходы больше уменьшились, нежели увеличились от возвышения пошлины, потому что так высоко обложенные товары либо не ввозились совсем в страну, либо доставлялись потаенным путем: они сделали всевозможные представления против того. Со всем тем Петр I всегда оставался при однажды принятом решении и не хотел слышать ни о каком облегчении пошлин.

57. Между тем его главным намерением в торговом деле постоянно было то, чтобы сделать из своих подданных настоящих купцов и довести до того их, чтобы они отвозили товары и сбывали их в чужих краях не через посредство других мореплавательных народов, а на собственный счет и на своих перевозных судах. Уже в начале нынешнего столетия он попытался на это и послал в Амстердам одного русского купца, Соловьева (*Solowiew*), учредить там русскую контору: в видах наиболее счастливого успеха даны ему не только поручения от русского правительства, но и предоставлены важные выгоды в русской торговле. Это действительно был человек способный и прямодушный, а потому и пользовался своими преимуществами с таким успехом, что в немногие годы приобрел значительный капитал, а своим честным поведением — большую любовь и уважение всего голландского купечества. Но в последнюю бытность в Голландии, в 1717 году, Петр I поддался внушению каких-то наушников, которых жадности не хотел удовлетворять Соловьев. Царь велел тайно увезти этого купца из Голландии, бросить в корабль и отправить в Россию. Тогда разом упала вся русская торговля в Амстердаме: тамошнее купечество до того изверилось, что после ни одному русскому нельзя было снискать там доверия и завести какое-нибудь важное купеческое учреждение.

58. Это, однако ж, не испугало Петра: он решился сделать попытку, нельзя ли сбывать через русских товары своей страны в такие государства, которые до того времени не вели никакой прямой торговли с Россией. И так он обязал своих богатейших купцов собрать значительные склады пеньки, льна, корабельных канатов, воску и других русских товаров и послать их во Францию и Испанию; к этому он от себя велел еще прибавить некоторое количество чугунных пушек, морских ядер, бомб и корабельных якорей и отправил на своих собственных кораблях в Бордо и Кадикс, куда вперед уже поехали нарочные русские кон-

сулы. Но и эта торговля пошла так плохо, что расходы поглотили весь капитал и имевшие доли в барышах от нее получили немного или совсем ничего.

59. Наконец, он надеялся внушить подданным вкус к мореплаванию посредством узаконения, изданного при обнародовании тарифа, что, если русский гражданин будет привозить в Петербург иностранные товары на кораблях, купленных или построенных на свой счет, и отправлять в иностранные пристани, ему сбавляется 4-я часть пошлины, следующей за то с него по тарифу. Однако ж при его жизни и эта выгода не могла побудить почти никого из русских к подобным морским предприятиям.

60. Хотя же при его преемниках, а особливо в теперешнее царствование, некоторые русские и отважились вести торговлю на собственных кораблях, но, по непонятной судьбе, потерпели крушение все их корабли друг за другом, да еще большая часть их в виду Кронштадта, так что и это начинание погибло, и русская торговля относительно мореплавания все еще в том же положении, в каком находилась и в старину.

VI

КАКИЕ ПЕТР I НАЧАЛ, ПРИВЕЛ В ИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ ТОЛЬКО ПРЕДНАЧЕРТАЛ ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ, СООБЩЕНИЯ МОРЕЙ, КАНАЛЫ, ПРИСТАНИ, НОВЫЕ ГОРОДА, КРЕПОСТИ, ЗДАНИЯ И ПРОЧ.?

1. Когда у Петра I было еще намерение устроить в большем размере его флот на Черном море, ему ничто не казалось выгоднее для достижения этой цели, как придумать сообщение между Доном и Волгой, и посредством того не только сплавать в Воронеж дубовый лес, растущий в большом числе на волжских берегах, но открыть проход для торговли между Каспийским и Черным морями. Так и велел он в точности исследовать состояние земли между обеими реками разным инженерам, между прочим одному английскому капитану по имени Перри (*Perry*), сообщившему самое подробное известие о том в своем труде «Состояние России», и по их показаниям в этом деле рыть два разных канала: один, идущий из реки Иловли (*Iowla*), впадающей в Дон, в речку Камышенку (*Kamischinka*), изливающуюся в Волгу, а другой между Тулой, впадающей в Оку (*Осса*) при городе Туле, и одной речкой, вливающейся в озеро Иван, откуда берет начало река Дон. Но при исполнении этого намерения оказалось больше затруднений, нежели предполагали сперва, а несчастный исход Прутского похода был причиной, что впоследствии больше не было и помину об этом.

2. Зато Петр I с гораздо большим жаром задумал средство к соединению Волги, протекающей самыми плодородными областями его царства, с реками, текущими к Петербургу, и счастливо, с очень неважными расходами, привел его в исполнение посредством маленького канала, не больше 650 сажен или 4550 английских футов. При Вышнем Волочке (*Wischni Woloczok*), на пути между Петербургом и Москвой, канал соединяет две маленькие, впрочем, судоходные, речки, Цну (*Tzen*) и Смилу (*Smila*), из которых первая открывает через Тверцу (*Twerez*) путь в Волгу, а последняя через реку Мсту (*Msta*) изливается, при Новгороде, в реку Волхов (*Wolchowa*), которая имеет сообщение посредством Ладожского озера и с рекою Невою, текущей при С.-Петербурге.

3. Это открыло русским путь для перевозки без больших расходов в Петербург товаров, производимых внутри царства. Со всем тем эта перевозка подвергалась большой опасности: Ладожское озеро, величайшее в Европе, которым русские необходимо должны были проезжать на пути в Петербург, ежегодно увлекало на дно великое множество судов со всем грузом: главною причиною тут было то обстоятельство, что упомянутые суда, строившиеся плоскодонными по случаю мелководных рек, не могли удержать никакого направления и при поднявшейся буре отдавались на волю одного только ветра.

4. Петр I сначала старался тем пособить такому неудобству, что велел построить в Ладоге некоторые легкие разгрузные суда или баржи (*Bordingen*), которые хоть и не глубоко уходили в воду, но имели руль (*Kiel*), а потому и могли держаться против ветра: они должны были грузиться приходившими в Ладогу товарами и отвозить их в Петербург.

Это хотя и имело такое хорошее действие, что купцы уже не стали так сильно опасаться за свои товары и потом уже редко было слышно о несчастиях на Ладожском озере, но принесло новую пошлину на товары, которые, по их тяжести и величине, не могли выносить больших издержек. Кроме того, прежняя опасность все еще существовала относительно запасов сена и дров, а особливо дубового леса, назначенного для кораблестроения, который, по его длине, нельзя было складывать на разгрузные суда, а надобно спускать в плотках или на плоскодонных судах.

5. Эти обстоятельства навели Петра I на мысль: нельзя ли придумать такой путь, по которому бы суда могли приходиться из Ладоги в Петербург, не касаясь моря? Лично в обществе некоторых инженеров он исследовал местность между Ладогой и Шлиссельбургом и не нашел никакого препятствия, почему бы нельзя было по берегам Ладожского озера вырыть канал между обоими вышеназванными местами и посредством его открыть безопаснейший путь в Петербург

Панорама Петербурга. Гравюра А. Ф. Зубова. 1716 г.